РОВЕСНИК

6 1977

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Июнь, 1977 год, № 6

На первой странице обложки: пятнадцатитысячный интернациональный коллектив строителей газопровода Оренбург — Западная граница «приращивает» к трубе ежедневно 7—8 километров. В любую погоду — в снег, в дождь, в солнце. Это трудно, но бывают же и перекуры...

Фотокорреспондент А. Маслов сделал этот снимок на карпатском участке.

ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ,

через многие области, через границы идет газопровод, который на свои средства, своими руками и своей мыслью строят семь братских стран. О ходе и картине строительства рассказывают заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР и наш специальный корреспондент.

ВЕНА. Заявление министра обороны Австрии К. Лютгендорфа в интервью западногерманской газете «Ди вельт» о намерении увеличить военный бюджет и оснастить австрийские вооруженные силы ракетным оружием вызвало протесты общественности страны. В распространенном заявлении Союза социалистических студентов подчеркивается, что требования министра противоречат документам, легшим в основу восстановления Австрии, — Государственному договору и закону о нейтралитете. Поражает и то, что министр обороны выступил за увеличение ассигнований на вооружение в такой момент, когда в стране ощущается острая нехватка финансовых средств в области образования, отмечается в этом заявлении.

БЕРЛИН. В этом году столица ГДР в седьмой раз встречала участников и гостей традиционного международного фестиваля политической песни. Нынешний фестиваль был посвящен 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Коллективы и солисты более чем из сорока стран мира пели о том, что близко и понятно всем: о солидарности и свободе, борьбе молодежи за свои права и мир на земле.

На снимке: молодежный ансамбль из Социалистической Республики Вьетнам исполнил на фестивале песню «Дядя Хо», родившуюся в день освобождения Сайгона.

ДУБЛИН. Общее число людей, занятых в Ирландии поисками работы, превысило 180 тысяч человек, говорится в докладе Комиссии европейских сообществ. Эта цифра более чем на треть превышает данные, которые приводятся в официальной ирландской статистике о безработице. Такая разница объясняется тем, что в официальные данные не включаются сведения о лицах, еще и не начинавших трудиться, — о выпускниках средних школ и высших учебных заведений.

Почти 70 тысяч ирландских юношей и девушек в настоящее время не могут найти применения своим силам. Среди других стран «Общего рынка» Ирландия занимает одно из первых мест по уровню безработицы — 19,5 процента от всего трудоспособного населения страны.

ЛУАНДА. Одна из важных задач новой Анголы — дать образование детям молодой республики. Те, кто еще недавно боролся за свободу в рядах МПЛА, теперь проходят ускоренный курс подготовки, чтобы стать учителями в многочисленных школах-новостройках. Школьных зданий еще не хватает, но, пока их строят, ангольские дети учатся на открытом воздухе.

На снимке (см. 1-ю стр.): «Товарищ» и имя президента Нето — вот первые слова, которые ангольские школьники пишут в своих тетрадях.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ГАВАНА. Здесь объявлено о создании на Кубе Чилийского молодежного комитета Народного единства. В распространенном заявлении комитета подчеркивается необходимость сплочения народа Чили в его борьбе против фашистской хунты, содержится призыв к созданию демократического, народного, антифашистского правительства.

В документе отмечается, что Чилийский молодежный комитет Народного единства на Кубе будет разоблачать преступления реакционного режима и его главной репрессивной силы — политической полиции ДИНА, рассказывать всему миру о бедственном положении, в котором находится молодежь и весь чилийский народ.

«Мы требуем освобождения молодежных руководителей Карлоса Лорки, Хосе Вайбеля, Мартина Поблете, Роберто Сапиаинса, Рикардо Руса и Эрнана Пачеко, а также тысяч молодых патриотов, брошенных хунтой за решетку», — говорится в заявлении комитета.

БРЮССЕЛЬ. Здесь состоялся международный семинар «Молодежь в борьбе против многонациональных монополий, за свои права, за мир и социальный прогресс», организованный по инициативе ВФДМ и Коммунистического союза молодежи Бельгии.

В работе семинара принимали участие представители международных, региональных и национальных молодежных и студенческих организаций различной политической ориентации и идеологической направленности из Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Участники семинара обсудили проблемы, связанные с реакционной ролью многонациональных монополий в политической и экономической жизни развитых капиталистических стран, вопросы активизации борьбы и укрепления единства действий молодежи против усиления эксплуатации трудящихся и всевластия монополистического капитала, рассмотрели различные аспекты борьбы против политики неоколониализма, проводимой международными монополиями в развивающихся странах.

ЛОНДОН. Национальная кампания по борьбе с безработицей среди молодежи должна создать такую организацию, которая бы обеспечила совместные действия рабочего и молодежного движения. По сообщению газеты «Морнинг стар», такое решение было принято совместным собранием молодежного профсоюзного комитета столицы и лондонского комитета по борьбе с безработицей среди молодежи. Национальные профсоюзы, продолжает газета, должны оказывать поддержку всем местным молодежным комитетам и активно вовлекать их в общую борьбу трудящихся за свои права — ведь молодежь составляет 44 процента — почти половину безработных в промышленности Великобритании.

На снимке: «Нам нужна работа, а не пособие по безработице», — заявляют трудящиеся Великобритании.

КАНБЕРРА. Проходившая в столице Австралии национальная конференция движения молодых лейбористов осудила посягательства австралийской полиции и агентов безопасности на гражданские права. Делегаты привели доказательства того, что полиция неоднократно врывалась в профсоюзные учреждения и похищала документы, устраивала травлю членов левых политических групп. Молодые лейбористы осудили практику австралийских специальных служб, ведущих слежку за членами профсоюза.

МОГАДИШО. Традиционный вечер дружбы сомалийской и советской молодежи состоялся в советском культурном центре. Многочисленные представители сомалийской столицы тепло приветствовали советских юношей и девушек, работающих на промышленных объектах, в школах и больницах Могадишо.

«Подвиги советской молодежи на фронтах гражданской войны, в годы фашистской агрессии и мирного строительства служат для нас вдохновляющим примером, учат мужеству и стойкости в борьбе за светлое будущее человечества, — заявил выступивший на вечере заведующий сектором ЦК Сомалийской революционной социалистической партии (СРСП), руководитель Союза сомалийской молодежи Салад Осман. — Мы гордимся, — подчеркнул он, — что вместе с сомалийским народом в строительстве нового социалистического общества в африканской стране принимают участие и представители ВЛКСМ».

РИМ. Трагические события февраля — марта, во время которых были разгромлены Римский и Болонский университеты, не случайно пришлись на серьезный и ответственный момент политической жизни страны. Именно тогда, когда от всех партий и демократических сил требовались выдержка и единство действий, провокаторы, проникшие в студенческое движение, организовали и провели акты террора и вандализма. «Автономисты», как называют себя сами члены штурмовых отрядов, скрывающие не только свои имена, но и лица, отказываются вести какой-либо диалог с существующими политическими и профсоюзными организациями, признавая лишь террор.

Коммунистическая партия Италии призвала всех коммунистов и комсомольцев страны повысить бдительность, организовать охрану своих секций, давать отпор провокаторам и неофашистам.

На снимке: Болонья. Разгром университета. Тщетно скрывают свои лица штурмовики-«автономисты»: под новым именем выступают все те же фашистские и ультраправые провокаторы.

смотрите:

Перед вами, читатель, малая часть фотохроники жизни молодежи ГДР. Другими словами, перед вами их будничные и праздничные дни и обычные дела, которые случались вчера, происходят сегодня и запланированы на завтра.

На снимке справа вы видите Вернера Шихта, одного из металлургов города Фрайталя, где 6 января нынешнего года была пущена плазменная сталеплавильная печь. Немалое, между прочим, достижение ученых и инженеров Советского Союза и ГДР.

На снимке слева вверху — сцена, снятая фотокорреспондентом в городской больнице Ростока. Между прочим, в этой больнице лечатся раненые ангольцы. Попутно здесь же и учатся — ангольцы немецкому, немцы португальскому языку.

Два других снимка разделяют почти три года. На одном — событие весьма для Берлина обычное: очеред-

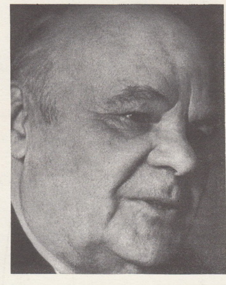
ной «базар солидарности», выручка от которого, между прочим, будет послана детям Анголы, Мозамбика или Вьетнама. Вторая же фотография была сделана во время Берлинского X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Снимок понятен без пространной подписи — идет сбор средств в фонд солидарности. Сбор, между прочим, сугубо индивидуальный: кто хочет и кто сколько может.

Эта жизнь (общественная и личная), сосредоточенная на собственном развитии и простирающаяся своими интересами и заботами на весь мир, для молодежи ГДР естественна и логична: она диктуется тем мироощущением, которое социологи теперь называют социалистическим интеграционным образом мышления. Проще сказать, это тот образ мышления, при котором интернационализм — и глубоко принципиальное убеждение и ежедневная — между прочим — практика.

Новое тому подтверждение — традиционный IV фестиваль дружбы молодежи СССР и ГДР, который пройдет в июне в Волгограде.

ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ...

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ БЕСЕДУЕТ С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ МИНИСТРА СТРОИТЕЛЬСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР АЛЕКСЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ СОРОКИНЫМ.

Алексей Иванович, «Ровесник» посвятил уже немало страниц стройке, которой руководит ваше министерство, — газопроводу Оренбург — Западная граница СССР, одному из объектов комплексной программы СЭВ. Понятно, что вас, как замминистра, интересует больше сторона, так сказать, техническая: план, объем работ, производительность труда и прочее. К этому мы еще вернемся. Начать же это интервью я предлагаю с той мысли, с которой мы начинали почти все наши очерки о строительстве газопровода. С мысли, высказанной товарищем Л. И. Брежневым на XXIV съезде партии: «Мы хотим, чтобы мировая система социализма была дружной семьей народов, вместе строящих и защищающих новое общество, взаимно обогащающих друг друга опытом и знаниями, — семьей сплоченной и крепкой, в которой люди Земли видели бы прообраз будущего мирового сообщества свободных народов».

Видите ли, вопросы, как вы говорите, технические на практике неотделимы от тех, что ставит перед нами ежедневная жизнь такого огромного и уникального коллектива, как пятнадцатитысячный интернациональный коллектив строителей газопровода. Разумеется, наше прямое и непосредственное дело — создать линейную часть газопровода, построить 22 компрессорные станции, жилые дома и объекты социально-бытового назначения. Но, строя газопровод, мы не можем не видеть, как выстраиваются, на наших глазах рождаясь, совершенствуясь и закрепляясь, новые отношения между людьми, говорящими на разных языках. Это происходит естественно, само собой, и в то же время эти новые отношения — плод сознательной и совместной деятельности. Логично и в перспективе взаимовыгодно было само решение строить объединенными силами семи социалистических стран гигантский трансконтинентальный газопровод. Точно так же логично и выгодно в смысле достижения оптимальных результатов наше самое тесное сотрудничество...

Стройка трансконтинентального газопровода — заметное явление. О ней, кстати, довольно много пишут и на Западе. К примеру, особый «восторг» у западных журналистов вызывает (цитирую) «вынужденное использование Советским Союзом иностранной рабочей силы для выполнения своих планов». Ваш комментарий, Алексей Иванович...

Да, мне доводилось читать такие высказывания. Что ж, здесь чувствуется своя логика — они ведь меряют на свой аршин. А аршин у них известно какой: наиболее развитые страны Западной Европы давно уже эксплуатируют огромную армию нищих или не нашедших у себя на родине работу, лишенных всяких прав людей. Какое же может быть тут сравнение с самостоятельными строительными организациями, направленными на общую стройку из братских стран?! Ведь больше половины из ежегодной добычи в двадцать восемь миллиардов кубических метров газа будет перекачиваться странам — участницам стройки: Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Румынии и Чехословакии. Во-вторых, накапливается и уже накоплен большой опыт самостоятельной работы на каждом участке (им не случайно сейчас интересуются без преувеличения все интеграционные стройки). Для нас, к примеру, был весьма интересен опыт наших друзей в процессе подготовительных работ, в создании хороших баз бытового и социального обеспечения, производственно-строительных баз — все это с учетом самых современных методов строительства. В свою очередь, они свой первый опыт в вопросах инженерной подготовки трассы получили у нас. Сюда же относится и наш опыт сварочных работ — наши коллеги не имели до этого строительства практики работы с трубами такого большого диаметра и с таким металлом. Советские строители, к примеру, помогали польским и немецким товарищам в организации работ по изоляции и укладке труб на первом этапе. Работали рука об руку — наши инженеры и квалифицированные сварщики с рабочими и инженерами Польши и ГДР. Наконец, в-третьих, на двух участках — польском и немецком, то есть тех участках, где наши деловые партнеры и друзья самостоятельно ведут сварочные, изоляционные и укладочные работы, созданы мощные, дотоле в этих странах практически не существовавшие строительные организации по сооружению различных трубопроводов. Опыт строителей настолько значителен, что его уже сейчас можно широко распространять на других стройках.

Какие же здесь перспективы?

В последнем номере сборника, который выпускает Совет Экономической Взаимопомощи, чехословацкие товарищи писали, что строительство второй очереди газопровода, который пойдет по Чехословакии, они будут вести вместе со строителями из ГДР.

Польские же товарищи уже обратились к нам с вопросом: что делать им в перспективе, что делать дальше? В этом году они закончат линейную часть полностью — все свои шестьсот километров. Сейчас обсуждается вопрос об их участии в прокладке газопровода на пятом участке — в Карпатах. Возможно, что они примут участие и в строительстве других газопроводов. Но это пока планы... Наша стройка еще не закончена.

Бывая на различных участках стройки, наши корреспонденты не раз имели возможность убедиться в том, что социалистическое соревнование оказывает большое влияние не только на ход строительства, оно стало практикой взаимообщения, обязательным элементом, присущим жизни газопровода.

Стройка трансконтинентального газопровода, конечно, нелегкое и непростое дело. Но оно успешно делается, и немалая заслуга в этом принадлежит социалистическому соревнованию. Из разных стран приехали строители, их призывы и обязательства записаны на разных языках, но суть в них одна: добиться в честь 60-летия Великого Октября новых успехов, приблизить день окончания гигантской общей стройки. Первые итоги этого предпраздничного соревнования будут подведены к июлю — к дням фестиваля строителей газопровода.

Пожалуйста, несколько слов об этом фестивале.

Фестиваль для нас — событие важное и интересное. Он пройдет по всей трассе — от Оренбурга и до Карпат. В каждом центре трассы будет разработана десятидневная программа. Разумеется, фестиваль не будет только праздником. Подчеркиваю: это будет и подведение итогов работы, итогов соревнования интернациональной стройки. И сами эти итоги станут новым уроком для дальнейшей работы. Уже сейчас на каждом участке газопровода строители берут новые обязательства в ответ на выступление товарища Леонида Ильича Брежнева на XVI съезде профсоюзов.

Сказанные на съезде слова были приятны и значительны для всех строителей. На разных языках в те дни стройка читала: «Совместная стройка социалистических стран — газопровод Оренбург — Западная граница СССР в прошлом году шагнула вперед на одну тысячу двести километров. Это большой успех пятнадцатитысячного интернационального коллектива строителей. Уже недалек день, когда создаваемая ими магистраль, крупнейшая в Европе, вступит в строй».

Высокая оценка, высказанная товарищем Л. И. Брежневым, мобилизует нас: мы все сделаем, чтобы уже к первому октября будущего года иметь в готовности всю систему и твердо давать запланированные миллиарды кубических метров газа всем странам — участницам строительства.

ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ

Ю. ЛЕКСИН,
А. МАСЛОВ — фото,
наши специальные корреспонденты

РЕПОРТАЖ С САМОГО ТРУДНОГО УЧАСТКА

Дождь застал нас вблизи Мукачева — в долине, где почти в равной степени близки Венгрия, Польша, Чехословакия и Румыния. Творилось нечто невероятное: шоссе, бегущее через долину, лишилось своего цвета, превратившись в естественный сток, и вода неслась по нему низким и плоским валом. Машины со слабонервными водителями выруливали на обочины и там замирали. Нигде вокруг не маячило ни души. Только смутные силуэты придорожных деревьев еще продолжали угадываться.

Деревья эти клонились в одну и ту же сторону, но не дождь их гнул. В долине существовали свои ветры, они таились, пря-

тались, возникали вновь и были едва ли не первыми после окаймляющих долину гор жителями здешних мест. Они всегда дули в одну сторону, и всякое дерево, едва вылупившись из семени, уже клонилось, не умея не подчиниться этим ветрам. Но сейчас потоки дождя падали так тяжело, что даже этот ветер не мог покачнуть их и сделать косыми — они падали отвесно.

Неистовство воды тем более было странным, потому что здешние места — по крайней мере, в мнении приезжих — всегда считались буколически красивыми и гостеприимными. Вообще Карпаты, не в обиду местным жителям, трудно назвать горами в том суровом, даже угрюмом смысле, в каком это слово подходит, скажем, к Памиру... И тут этот ливень.

Наш шофер, бывший танкист, был не из робких, мы не прижались к обочине, но и не замечать всего происходящего вокруг тоже не могли: невольно умолкли.

Я попытался вспомнить, как это произошло.

Виктор Иванович, инженер, сопровождавший нас, неожиданно оказался моим старым знакомым, и, странно, мы нисколько не удивились этому, хотя знакомству нашему минуло лет шесть. Установив это, мы лишь пристальней относились к словам друг друга, словно разглядывая их с какой-то другой, неизвестной для посторонних стороны, да еще взглядывали друг на друга с любопытством — признаться, тогда, когда считали, что другой не замечает этого, и, конечно, замечали. Виктор Иванович был инженером в Зеленчукской, когда там начинали строить тот огромный и уникальный телескоп, о котором в те времена писали неудержимо много[1]. Был тогда и я там.

Знакомство это не стоило бы упоминания, если бы не одна деталь. Виктор Иванович, приехавший на газопровод «прямо с телескопа», ясно помнил, что я написал тогда о его знакомом, тоже инженере, так, что — тут он засмущался, подыскивая необидные слова, оглянулся:

— Смеялись мы потом над ним... Не такой он немножко, а? — с мягкой настойчивостью спросил он.

— Вы хорошо его знали?

— Конечно... Звезд он с неба в общем не хватал, но своего добьется, я уверен. Ровно того, чего стоит.

Мы помолчали. Мне стало чуть обидно за того человека — в сущности, очень незащищенного. Не поэтому ли они и смеялись над ним?

— Что-то в нем было, — не сдавался я. — Что-то не очень ясное... По сторонам он умел глядеть, вот, пожалуй. Не только своим делом заниматься. Это ведь все-таки редко бывает. Небо-то он любил. И звезды свои... Может, не так, как вы?

— Может, — усмехнулся Виктор Иванович.

— А я о нем мало знал. Романтизировал я его, да?

Виктор Иванович рассмеялся, оценивая мою осторожность.

— Вы не видели у меня макет? — неожиданно спросил он.

— Какой?

— Трубы всей. Через Карпаты...

Я знал, что это значит — сделать макет, макет, который в общем-то и не нужен, по крайней мере, никто и никого не мог по работе понуждать делать его — такую вещь человек или делает сам, или сам же не делает. Тут как раз и было что-то от неумения того нашего знакомого не глядеть по сторонам. «Уж не ты ли, Виктор Иванович, — мелькнуло у меня панибратски,— сделал его?»

— Жаль, — сказал Виктор Иванович. — Там как раз все как на ладони видно, весь наш участок... Всего-то тут каких-то сто восемьдесят километров, — прикоснулся он к усам, — а сто́ят, пожалуй, всей тысячи. Горы... Это все-таки горы. На полторы тысячи метров труба заходит над уровнем моря. Пока, впрочем, не заходит. По́лки нарезают[1].

Он стал рассказывать, что этот участок — строят его только наши, потому что он самый трудный, — проектировали в Киеве. В отличие от двух других, уже идущих здесь, в горах, ниток газопроводов он пойдет не по долинам, а по перевалам. Это куда трудней, но зато почти исключена опасность, что его могут искорежить лавина или любые сдвиги. Причем вся нитка будет спрятана глубоко в грунт, а это скалы, и прятать ее опять же трудно, но в этом же и надежность. (Тогда еще, во время нашего разговора, мы совсем не думали, просто в мыслях не было, что очень скоро, через несколько дней, Карпаты как судорогой поведет землетрясение — здесь слабое, но не так далеко отсюда разрушительное. Однако мысль всякого проекта тем, наверное, и практичней, что может учитывать и непредвиденное житейски.)

Слушая Виктора Ивановича, я вспоминал, с какой завистливой почтительностью отзывались венгры об этом вот «русском», как они говорили, участке и о тех, кто работает на нем.

— Почему бы? — поинтересовался я.

— Так ведь трудно, — попросту отозвался Виктор Иванович. — Им-то это хорошо видно, рядом они.

Потом он мрачно перечислял, загибая пальцы:

— Декабрь нам не дал работать — дожди... Январь тоже. Потом февраль...

Вот тут на нас и обрушился дождь, и он умолк.

...Где-то на квартире у Виктора Ивановича, в Хусте, в доме, построенном венграми[2], стоял совершенно сухой макет Карпат, и по нему тонкой ниткой извивалась труба. Здесь же, в настоящих Карпатах, дождь лил и лил.

Сваренная ниткой труба — метров полтораста — лежала в жидкой глине и не утопала, потому что сама была огромной — сгорбившись, в ней можно было идти, как в туннеле. (В одном месте, на стеллаже[1], по ней так и ходили, перекинув ее через канаву.) Долина с едва пробившейся зеленью была размыта дождями, и только высоким неестественно желтым тягачам-трубоукладчикам ничего не стоило с ревом ползать по этому месиву. Они-то и таскали восьмитонные трубы, легко поднимая их, словно те были невесомыми.

Мы не рискнули идти прямо по целине туда, где ворочались, взметая во все стороны глину, желтые тягачи. Пошли по сваренной уже трубе.

Дождь перестал. Глина золотисто сверкала на солнце, и холодный сильный ветер сушил ее, подергивая коркой.

Никто из бригады не обратил внимания на праздношедших. Бригада эта считалась лучшей, погода почти не влияла на их выработку, так что верней и удобней было считать их невнимание едва ли не лучшим качеством хорошо работающего человека: вы, мол, фотографируйте, смотрите, а нам работать надо. Они и работали. И сразу, и потом, когда я уже поговорил, наверное, с каждым из них, приятно было глядеть на эту их молчаливую и толковую работу, где никто никому и ничего не кричал, никто никого никуда не звал и ничего не указывал. Все происходило как бы само собою, как, невольно вспомнилось мне, происходит на каком-нибудь крошечном рыбацком катере в штормовую погоду, где тоже не говорят лишнего — некогда просто. И дело шло простыми и заметными с первого взгляда деловыми кругами, и у каждого круга были свои начало и конец, а каждый из работавших был на своем месте, и никому другому на этом его месте просто нечего было делать.

Почему это так складно получалось у этих людей и не выходило у других, никто толком не понимал, хотя понять хотели многие. И я тоже не понимал и тоже хотел понять, потому что глядеть на эту ловкую их работу и не понимать ничего значило не только быть обидно бестолковым, но и вообще было пропажей времени и занятием ненужным и мешающим этим же людям. Объяснить это доверием их друг к другу значило ничего не сказать, хотя, конечно же, они доверяли друг другу; говорить об их умении работать было тоже так, мало, что выходила пустота (к тому же и не так давно они были друг с другом); и деньги мало что объясняли (деньги были вполне обыкновенные, и многие, приходя к ним и получив первые же деньги, бежали от них, как говорил бригадир). И тогда не оставалось ничего, что могло бы объяснить этих людей, или каждая из причин имела уже такие грани, которые и не могли быть понятыми, иначе — пойми их всякий — всякий и смог быть такими же, как они. Но не был.

С трубой же происходило вот что.

---

[1] *Телескоп этот и впрямь уникален. Чего стоит одно его шестиметровое в диаметре зеркало, самое большое в мире, и еще неизвестно, что было труднее: изготовить это зеркало или привезти его в целости и сохранности из Ленинграда на Кавказ и там смонтировать. Однако дело закончено. — Здесь и далее примеч. авт.*

[1] *На склонах гор, чтобы машинам подняться вверх, режут «по винту» дорогу — это и есть полка.*

[2] *Об участии венгров в строительстве газопровода мы уже писали (см. «Ровесник» № 12 за 1975 год и № 11 за 1976 год). Они строят компрессорную станцию и жилые дома в Богородчанах под Ивано-Франковском, строят и дома в Хусте. Город это старинный, можно сказать, одноэтажный, с давно устоявшейся архитектурой, и очень трудно построить здесь большое здание, которое бы не выглядело «стальной коронкой среди естественных зубов». Однако венгры построили уже два больших жилых дома, и они глядятся естественно и красиво... Почему — это уже совсем другой разговор.*

[1] *Стеллажом называли место в открытом поле, где сваривали по две трубы вместе — в плети, чтобы потом везти эти плети на трассу. Такое постоянное место сварки было удобным, так как на трассе приходилось уже сваривать меньше в два раза. К тому же, если обнаруживался дефект, шов можно было тут же переварить.*

Бульдозер ножом, утопающим в глине, подпихивал под край сваренной нитки землю, делая это быстро, с нескольких заездов, а в это время ревущий желтый тягач уже подтаскивал новую трубу, и она должна была почти прильнуть к сваренным; теперь их надо было состыковать, и только несколько миллиметров должны были отделять их друг от друга. Потом стык закрепляли так, что он уже не мог ни разойтись, ни сойтись больше, чем на эти самые миллиметры. И все это происходило на весу, и в трубе действительно было восемь тонн, и одно ее колебание могло испортить все, а главное, это все было еще пустяк, черновая работа, собственно, ничего и не стоившая, если дальнейшее сделать хоть чуть плохо.

О том же, что происходило дальше, читались и читаются в технических институтах специальные курсы, пишутся все новые и новые статьи и книги, зачеркивающие прежние или исправляющие их. Тут же происходило вот что... Николай, сварщик, — он был в грязной прожженной робе и свеж и выбрит до синевы — бросал под трубу две мокрых грязных доски (какими им и быть в такую погоду!) и запрокидывался, упав на них так, что даже вроде бы и не смотрел, куда падает, однако же попадал боком и спиной точно на них. С другой стороны трубы так же в глину ложился другой. И тогда начиналось настоящее дело.

В первый раз надо было пройти по всему шву сверху вниз, а потом еще четыре раза — и теперь уже только снизу вверх. Интересоваться, почему это следовало делать именно так и никак иначе, было все равно, что попытаться описывать, почему, например, Николай делал это хорошо, а кто-то другой настолько хуже, что ему никогда, сколько бы он ни старался, не сделать эту работу так же. Почему? А черт его знает почему. Просто не сделать, и все тут [1].

Можно, правда, было побывать здесь и научиться варить лучше. Сюда и приезжали сварщики-немцы со своего участка изпод Черкасс и учились. Они оказались очень способными людьми, и никаких секретов, разумеется, от них не было, и они стали варить лучше, но — я говорил с ними — «почти так же», заявляли они в один голос; и все же невидимая эта граница, проходившая через «почти», существовала.

— На ровном и я варю. Хорошо даже. Если две прямые железки, — с нескрываемой завистью говорил мне Петро.

Он уже полторы недели работал в этой бригаде сварщиком.

Петро был рыжим, с веснушками. Лицо его выражало желание взять сейчас и начать делать это так же, как те двое, лежавшие под трубой, именно так же — иначе не стоило.

— А пробовал? — так же, как он, тихо спросил я. Будто громким разговором мы могли помешать тем, лежавшим в мокрой глине.

— Пробовал, — тихо отвечал он.

— И что?

— Никак, — еще тише отвечал он. — То ямка получается, то бугорок... А на ровном хорошо, — твердил он. — Может, потому что она круглая, — косился он на трубу.

— Может.

Он отвернулся.

— Да ничего, Петро... Вдруг научишься.

Он молчал.

Их плеть уходила по долине вниз. Там, за зеленью только поднявшейся травы, текла невидимая отсюда речка. Труба должна была пройти над ней, и этот изгиб ее назывался на их языке «уткой».

Мы шли на вертолете над уже лежавшей трубой. В долине вертолет бросало редко, иногда только он проваливался на несколько метров, но под нами их было не так много, всего сорок.

Долина была залита водой и светом. Мы шли от гор к чехословацкой границе, чтобы увидеть, что же происходит с трубой дальше.

— Вчера оленей вон там заметил, — сказал летчик, — на островке... Потом, когда лесники перевозили их, они даже не сопротивлялись. Те подошли к ним, а они и не шевелятся. Только головами водят.

Сбоку от трубы четко и ровно выделялся ров, доверху залитый полой водой, а чуть дальше — тоже ровная во всю длину трубы насыпь. Ров был приготовлен для того, чтобы в него легла труба газопровода, а насыпь была тем самым плодородным слоем, который сняли, чтобы выкопать ров. Потом этот слой ляжет на свое прежнее место. В Карпатах плохо с землей, ее мало, и, хотя все делается вот так аккуратно, все равно все жалеют: земля эта, однажды растревоженная бульдозерами, года на три-четыре пропадет. Действительно жалко, особенно когда летом видишь, что может расти на этой земле.

В развороченной глине под нами появилось десять желто-ясных машин, приткнувшихся к трубе. И чем ближе мы подлетали, тем виднее становилось, что они делали там, возле нее. Восемь средних поднимали всю плеть, и что стоило поднять ее, говорило хотя бы то, что каждый из этих тягачей без труда отрывал от земли девяносто тонн. Первая же шла и зачищала трубу, а последняя как раз и делала то, ради чего средние восемь надрывались, идя друг за другом, почти наседая. После того, что она делала, вода уже не страшна была газопроводу, потому что практически пленка, которой обматывали трубу, была неизносима. И это было последнее, что надо было сделать с трубой, прежде чем зарыть ее в землю.

Но даже этим тягачам работа сейчас была порой не под силу. Не говоря уж о том маленьком тракторе, который подвозил им горючее. Трактор путался в грязи по самый верх гусениц и никак не мог подступиться к ним — пройти каких-то метров шесть-семь всего. И водители таскали от него горючее к своим тягачам в ведрах. Человек все-таки меньше проваливался, чем трактор. Но тягачи ели топливо с той же яростью, что и работали, так что носить приходилось много.

— А подождать? — спросил я и этого прораба, с которым мы сейчас везли на вертолете мотки черной пленки.

— А лето? — прокричал он мне. — Какое будет лето? А если хуже? Тут было и такое, что хуже весны... Надо делать. Не терять же время.

— А сил-то сколько...

— А стоять лучше?

Когда мы наконец приземлились, он еще добавил, и это было очевидным: другие участки «подпирали» их, а погода не баловала, так что подавно нельзя было «ударить в грязь лицом» (чуть ли не буквально воспринималось здесь это). А еще существовало уже обязательство, и по нему к ноябрю, к 60-летию Октября, надо было сдать семьдесят шесть километров готового газопровода. И это, по его словам, было много, но реально.

26 ИЮНЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Впереди же еще были горы. С Виктором Ивановичем мы и поехали к ним через два дня. И опять с утра шел дождь, но теперь он уже не перемежался светом, он сек и сек землю, как провинившуюся.

Говорили, естественно, о том, сколько может держаться такая погода, и пришли к самому мудрому: все от дождей — перестанут — через месяц подсохнет, не перестанут — поводили плечами. К тому же была еще тонкость: одно дело подсохнет для людей, другое — для тягача, который тащит шестнадцатитонную плеть. Но опять выходило то же: перестанут — подсохнет, не перестанут... Заведомо мертвый наш разговор не мог протянуть под струи дождя долго, до полок же было полтора часа езды.

Грачи черными зернами на стерне паслись тысячными стаями, собирались на север, но что-то еще удерживало их. Никогда таких огромных стай не приходилось мне видеть — как в диковинном сне, без края и конца, без счета. И в который уж раз Виктор Иванович сожалел, что не доведется мне в этот раз увидеть настоящие Карпаты — те самые, красивые, буколические, к которым он и приехал сюда с Кавказа. «Но ведь это все они же, Карпаты, — возражал я, — и потом мы на самом трудном участке. Так пусть уж идет дождь».

Виктор Иванович ехал в горы, чтобы принять у строителей несколько готовых полок, и не сомневался, что они готовы. Он стал рисовать мне план ущелий, по которым тягачи повезут в июне трубы к перевалам, и чертежик вышел таким удачно-ясным, что, когда мы подъехали к первому ущелью, простота и ясность эти никак не укладывались с тем, что перед нами предстало. По ту сторону речки, мутно бегущей по камням, действительно было ущелье, одетое туманом, и оттуда к подножию гор тоже прыгал по камням неподвижный для нашего взгляда поток и вливался в реку. Под туманами же, подпирая их, еще лежали снега.

— Туда? — только и спросил я, пытаясь взглядом пробиться вверх, куда за туман полезут тягачи.

— Туда, туда, — без всякой иронии отозвался Виктор Иванович. — По ручью и пойдут.

И там подножие горы действительно резала светлым поясом одна из полок. Все делалось. Все происходило. Грачи собирались улетать — иначе зачем бы им сбиваться в эти стаи из диковинного мне сна... Карпаты были теми же, только дождь делал их чуть угрюмей, но это, по-моему, только шло им на пользу, если, конечно, говорить не о работе... Дорога сюда от Хуста — к тихой радости Виктора Ивановича, — хотя и довольно разбитая, но существовала, мы, собственно, по ней и ехали. («Мосты надо только кое-где подправить»,— говорил он.) И полки — те, которые сейчас должны быть готовыми, были готовы... Все действительно происходило. Даже макет его Карпат похож был, наверное, на эти настоящие Карпаты, только, может быть, без снега и тумана...

Мы простились с Виктором Ивановичем до июня.

Март — апрель, Карпаты

---

[1] *О сварщиках действительно ходит множество устных рассказов, многим напоминающих рассказы о Левше. Пожалуй, просто копии.*

«ФЕСТИВАЛЬ!» В ПЕРЕВОДЕ НА КАЖДЫЙ ЯЗЫК

Спросите у людей постарше, и они наверняка вспомнят Московский фестиваль — 1957 год или самый первый, Пражский — 1947 год. Спросите у людей помоложе: наверняка и у них в памяти хранится информация о каком-либо фестивале: Хельсинкском ли, Софийском ли, Берлинском. С каждым из них были связаны надежды и вполне конкретные действия. «Холодная война», «железный занавес», «локальные войны» — многое довелось пережить и через многое удалось пройти самому обычному человеку. Каждый фестиваль молодежи ставил свою точную задачу. Нынешний, очередной, который состоится в следующем году в Гаване, формулирует ее так: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!»

Десять дней фестиваля коротки. Но они лишь конечная и лишь очередная черта, подводящая итоги ежедневной и будничной работы. О ней интервью; о главном деле, волнующем молодежь, — как обуздать милитаристов? — публикуемая статья ученого.

Андрей ВАЛДАЕР, сотрудник международного отдела Центрального Совета Союза свободной немецкой молодежи (ГДР):

Готовим к публикации материалы, брошюры, плакаты, посвященные XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Скоро выйдет красочно оформленная книга о Кубе, молодые кинематографисты студии ДЕФА снимают фильм об острове Свободы и его молодежи. Начинается сбор средств в фестивальный фонд.

Мирослав ШПАНИЭЛ, секретарь ЦК Социалистического союза молодежи Чехословакии, член Национального подготовительного комитета ЧССР:

Наш союз молодежи сейчас готовится к своему II съезду, и, принимая высокие трудовые обязательства, члены ССМ связывают их и с фестивалем в Гаване. Они проводят безвозмездные трудовые смены, субботники, отдавая часть заработанных средств в фонд солидарности. В середине этого года у нас пройдут Дни дружбы чехословацкой и кубинской молодежи. С 1 апреля тысячи чехословацких ребят включились в спортивные соревнования за право получить фестивальный спортивный значок. В преддверии всемирного форума в Гаване мы проведем национальный фестиваль чехословацкой молодежи, который продемонстрирует верность юного поколения республики заветам отцов, идеям антиимпериалистической солидарности, мира и дружбы.

Салад ОСМАН, первый секретарь Союза сомалийской молодежи, секретарь Национального подготовительного комитета:

Подготовка к фестивалю идет по всей стране — собрания, семинары, дебаты. Раз в неделю в газете «Октябрьская звезда» появляется «Фестивальная страница», дважды в неделю — специальная программа по радио. Устраиваем концерты и спортивные соревнования, сборы от которых идут в фестивальный фонд.

(Интервью по телефону из Праги и Берлина редакция получила с помощью корреспондентов ТАСС — В. Бескромного и «Комсомольской правды» — В. Кабанова.)

На снимке: ФРГ. 47,6 миллиарда марок на вооружение. Сколько отнято у больниц, школ, жилья?!.

А ВОЕВАТЬ ДОСТАВАЛОСЬ МОЛОДЫМ...

Г. ХОЗИН, кандидат исторических наук

Сколько помнит себя человечество, мальчишки всегда играли в войну. Разумеется, не из-за какой-то «врожденной агрессивности», а по извечной традиции, побуждающей будущего мужчину готовить себя к роли защитника домашнего очага, женщины — матери, сестры, любимой, — а в трудную годину — родины. Мальчишки всех народов и континентов седлали деревянных коней, сами ладили себе луки и стрелы, деревянные ружья и воевали друг с другом. Причем каждый обязательно думал, что в этой войне понарошку именно он представляет «наших», борется за правое дело.

Время шло, и последние из 14 тысяч войн, омрачающих доступный историкам период существования человечества и уже отнявших почти четыре миллиарда жизней, велись совсем не копьями и стрелами и даже не только ружьями. Недавним мальчишкам уже не надо было седлать коней, чтобы выступить на войну. Их брали на борт могучие танки, самолеты, бронированные корабли. Дальше — больше. Техника войны становится все грознее:

ядерные бомбы, подводные лодки-ракетоносцы, межконтинентальные ракеты... Но, как и встарь, воевать — и погибать — прежде всех может выпасть на долю им, недавним мальчишкам.

Даже игрушечные имитации новейших систем оружия, выставленные в магазинах Парижа и Лондона, Нью-Йорка или Токио, содержанием детской игры делают изощренность методов уничтожения, бездушие цифр — калибров, мегатонн, тысячекилометровых радиусов действия. Психологическое давление милитаризма на молодое поколение в странах капитала колоссально и ведется всевозможными средствами — от «военно-игрушечной индустрии» и кровожадных комиксов (рассказиков в картинках) для самых маленьких до кинофильмов и книг, прославляющих супергероя, облаченного в форму соответствующей армии. Но, как при стрельбе — чем мощнее заряд, тем чувствительнее отдача, — так усиливается и «отдача» от милитаристской пропаганды.

При этом обнаруживается такая важная особенность нынешнего антивоенного движения молодежи: протест не абстрактен, он имеет совершенно точный адрес, объект — военно-промышленные комплексы капиталистических держав. Этим термином, ВПК, утвердившимся в научном и политическом обиходе в последние годы, обозначают сложившийся в ведущих империалистических державах союз монополий, военной верхушки и реакционных политиков. Предметом нашего внимания в этой статье и будет военно-промышленный комплекс самой крупной из капиталистических стран — США.

В начале 60-х годов я прочитал в американском военном журнале «Инфантри» («Пехота») поучительную, на мой взгляд, сказку для взрослых, сочиненную одним майором армии США (не помню его фамилию). Как всякий сказочник-военный, майор рассказывал про войну. Жил в далекие времена некий царь Зог, отличавшийся воинственным нравом и мечтавший о каком-нибудь невиданном оружии. И однажды объявился Чародей, подаривший ему такое чудо-оружие: огромный лук, заряженный сразу несколькими стрелами. Царь Зог щедро наградил изобретателя и, не мешкая, ринулся в поход. Но в первой же битве, пока Зогово воинство заряжало дальнобойный многозарядный (как сейчас бы сказали, кассетный) лук, неприятельский солдат прорвался к царю и прикончил его вульгарной дубиной.

Не думаю, чтобы майор желал внушить своим читателям-солдатам пренебрежение к мощи американской военной техники, должно быть, просто шутил и в такой иносказательной форме обращал внимание на роль стремительного маневра. Однако притча его оказалась пророческой — спустя несколько лет никакие авианосцы, ядовитые порошки и напалмовые бомбы не спасли американский, до зубов вооруженный, империализм от поражения во Вьетнаме. Мне кажется, что урок из этой сказочки могли бы и сейчас извлечь те, кто подстегивает гонку вооружений в надежде обзавестись наконец «абсолютным» оружием, чтобы диктовать свою волю остальному миру.

...Уже в первые десятилетия нашего века крупные корпорации почувствовали выгоду военного производства. Еще до первой мировой войны стал расти спрос на оружие как средство борьбы империалистических государств за раздел и передел мира, за новые рынки и сферы влияния. А в 1919 году президент США Вудро Вильсон, признавая нарождение новой влиятельной силы в американском государстве, морально готовил американцев к последствиям уже начавшейся активизации военного производства: если вы решили вооружиться до зубов, говорил он, то вам придется подчиниться приказам и инструкциям тех людей, которые могут контролировать огромную военную машину. Сегодня это стало реальностью — серьезное влияние на внешнюю и внутреннюю политику США оказывают именно силы, в руках которых находится колоссальная военная машина, силы, отдающие приказы и распоряжения. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил о них так: «...зловещий союз милитаристов-профессионалов с монополиями, богатеющими от изготовления орудий войны, который принято именовать военно-промышленным комплексом, стал там как бы «государством в государстве», приобрел самодовлеющую силу».

Конечно, ВПК не партия и не клуб с членскими билетами и уставом. Но это и не бесплотный фантом, он состоит из вполне конкретных групп людей и отдельных личностей. Сенатору Г. Джексону, например, нет нужды вписывать в свою визитную карточку: «член ВПК», он и без этого известен в нужных кругах как ревностный охранитель интересов военного бизнеса и бóльший «ястреб», чем иной пентагоновский генерал. Кстати, если говорить о внешне заметной черте, общей для всех деятелей этого негласного союза, ВПК, то ею, безусловно, является как раз «ястребиность» — яростная реакция на любое выступление против индустрии вооружений (такими выступлениями, естественно, рассматриваются инициативы и предложения о сокращении выпуска боеприпасов и боевой техники и политика мирного сотрудничества народов, проводимая нашей страной и другими социалистическими государствами). В США уже перестала кого-либо удивлять и открытая деловая (в смысле — меркантильная) взаимная заинтересованность военной бюрократии и бизнесменов от оружия. Скажем, генерал Джеймс Фергюсон, ведавший в министерстве авиации управлением по разработке воздушно-космических систем, вдруг меняет мундир на цивильный костюм и становится консультантом фирмы «Юнайтед эйркрафт» (1970 год), а год спустя эта фирма получает от Пентагона заказ на 733 миллиона долларов, в том числе на строительство реактивных истребителей. В последнее время более двух тысяч службистов из Пентагона, закончив военную карьеру, перешли работать в те фирмы, в которых военная продукция занимает две трети объема производства.

С 1946 по 1976 год военно-промышленный комплекс США выкачал из кармана налогоплательщиков фантастическую сумму — два триллиона долларов. Каждый американец выплатил за этот срок на военные нужды 20 тысяч долларов. Эти расходы американского государства оказались в шесть раз больше, чем на участие во второй мировой войне, и в 72 — чем на участие в первой.

Кое-кто на Западе объясняет гонку вооружений в послевоенные десятилетия «логикой научно-технической революции»: не создавая оружия, нельзя-де обеспечить и прогресса техники. Американский еженедельник «Ньюсуик», например, писал: «Создается впечатление, что человека преследует рок новых и новых возможностей самоуничтожения». Чем угодно, хоть мистикой, хоть «роком», готовы некоторые круги на Западе обосновать неизбежность, необратимость милитаризации экономики капиталистических стран. Но отворачивается от очевидного: от извечного стремления капитала к максимальной прибыли при полном безразличии к моральной стороне методов ее извлечения. Еще Карл Маркс в «Капитале», рассуждая о всесилии мотива прибыли, обращал внимание на меткое высказывание одного из английских профсоюзных деятелей, Т. Дж. Даннинга: «Капитал боится отсутствия прибыли,.. как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

Прогремевшая на весь мир грязная история о многомиллионных взятках, с помощью которых авиастроительная компания «Локхид» сбывала свою продукцию на внешних рынках, — чем не яркое подтверждение этих слов? Размеры своих истинных доходов монополии ВПК укрывают, быть может, пуще военных секретов, и все же известно, что они огромны. По расчетам профессора Мюррея Вейденбаума, их прибыли в среднем на 60 процентов больше, чем в гражданских отраслях экономики. А вот данные одной из сенатских подкомиссий, рассматривавших положение в 131 монополии ВПК: 94 из них получили 50 процентов чистой прибыли, 49 — более 100, 22 — более 200, три — более 500, а одна корпорация получила почти две тысячи процентов прибыли! Какой уж тут «рок» гонки вооружений?

(А воевать, заметим в скобках, достается в первую очередь молодым. Вспомним итог вьетнамской авантюры для США: 150 миллиардов долларов, выкачанных из карманов налогоплательщиков, и 55 тысяч цинковых гробов, многие десятки тысяч костылей и протезов для тех, кого оторвали от мирного труда и учебы и бросили на погибель за тридевять земель.) А какие колоссальные жертвы понес вьетнамский народ, его молодежь.

Растут и растут военные бюджеты капиталистических стран, пухнет безобразным флюсом на их экономике военное производство, растет число ученых и инженеров, завербованных на работы по проектированию, разработкам, испытаниям и производству новых видов оружия. Бывший сенатор У. Фулбрайт подсчитал, что только в период с 1946 по 1967 год американское правительство израсходовало около 90 миллиардов долларов, или 57,3 процента федерального бюджета, на «совершенствование военной мощи», и только 9,6 миллиарда долларов, или 6,08 процента бюджета, на решение таких социальных задач, как образование, здравоохранение, социальное обеспечение, жилищное строительство. Сейчас в качестве «реалистических» ежегодных ассигнований на военные нужды к началу 80-х годов в США называют сумму в 150 миллиардов долларов. При таком направлении политики государства решение социальных проблем бесконечно откладывается.

На современном этапе научно-технической революции процесс милитаризации в США принимает всеохватывающие формы и обходится государству все дороже. Атомная энергетика и космоплавание, ла-

зер и техника для исследований Мирового океана, возможности преобразования климата и погоды и многие другие созидательные по своей сущности направления научно-технического прогресса ставятся на службу военным целям, рассматриваются как потенциальные области для расширения гонки вооружений.

Каждый военный заказ — новая ракета, подводная лодка-ракетоносец или тяжелый бомбардировщик — лишает средств гражданскую экономику, социальные программы. Закуплено у компаний 8 штурмовиков Ф-14 стоимостью в 130 миллионов долларов — а ведь это средства, необходимые для жилищного строительства (1972 год). Спущен на воду атомный авианосец (2,98 миллиарда долларов) — и жителям Вашингтона придется подождать с началом строительства метрополитена. Программа строительства бомбардировщиков Б-1 (по самым скромным оценкам — 11,4 миллиарда долларов) съедает как раз те средства, которые необходимы для программы борьбы с бедностью. Три атомные подводные лодки-ракетоносца стоят 567 миллионов долларов; ровно на столько был сокращен бюджет 1973 года на здравоохранение, образование и социальное обеспечение. Но, как показывает практика, хозяев военно-промышленного комплекса такие выкладки не трогают.

Из уст руководителей военного бизнеса и отстаивающих его интересы политических деятелей нередко слышишь заверения в том, что военное производство — надежный источник занятости значительных групп населения США. Чтобы развеять этот миф, можно обратиться к аналитическому исследованию бюро статистики труда «Структура экономики США в 1980 и 1985 гг.». Освоение одного миллиарда долларов в различных сферах требует неодинакового числа рабочих мест. Эксперты бюро подсчитали, что в 1980 году для производства товаров и услуг на сумму в 1 миллиард долларов (в ценах 1963 года) потребуется в сфере военного производства 96,7 тысячи рабочих мест, здравоохранения и социальных нужд — 121,2 тысячи. Рассмотрели они и возможный вариант перемещения 10 миллиардов долларов из сферы военных расходов в сферу здравоохранения и социального обеспечения — при условии развития процесса разрядки международной напряженности и заключения договоров об ограничении вооружений. В этом случае занятость увеличилась бы до 245 тысяч рабочих мест. А ученые Иллинойского университета, разрабатывая прогнозы потребности в рабочей силе на 1980 год, пришли к выводу, что переориентация средств из военной сферы в образование, здравоохранение, охрану природной среды и другие жизненно важные для народных масс сферы позволила бы создать дополнительно 6,7 миллиона рабочих мест, из них 2,8 миллиона — для специалистов с высшим образованием.

Для подрастающего поколения США, которому устраиваться на работу в 1980-х годах, эти цифры не какая-то теоретическая абстракция, а наглядный урок жизни, как уроком служит и судьба их старших братьев и сестер, многие из которых уже сегодня не знают, куда приложить руки и полученные знания.

Выступая в начале марта этого года на пресс-конференции, президент США Дж. Картер заявил, что его удручает необычайно высокий уровень безработицы среди молодежи. Действительно, по официальным данным на первый квартал 1977 года, больше половины безработных — это люди моложе 24 лет. Среди американцев в возрасте от 16 до 19 лет не могут найти работу свыше 18 процентов; еще плачевнее участь молодых негров, пуэрториканцев и представителей других национальных меньшинств, проживающих в городах Америки, — 40 процентов из них не могут найти хоть какое-нибудь применение своим силам.

Многие ученые, политические деятели с тревогой задумываются над тем, что процветание военно-промышленных комплексов — это расточительство минеральных и топливных ресурсов; в конечном счете — это производство стали, цветных и редких металлов ради разрушительных целей; это огромные энергетические мощности, создаваемые ради того, чтобы производить и содержать в боевой готовности новые и новые системы оружия и средства поражения, способные уничтожить миллионы мирных жителей. В списке наиболее злостных загрязнителей окружающей среды фигурируют предприятия, выпускающие военную технику, боеприпасы и другую военную продукцию.

Согласно официальным данным Совета по качеству окружающей среды при президенте США, каждый миллиард долларов, ассигнуемый на мероприятия по очистке

«Служба в армии — самая надежная профессия. И самая молодежная!» — так звучит популярная реклама западных газет и журналов. Реклама права: профессия куда надежнее многих других, особенно при нынешней отчаянной безработице. Особенно среди молодежи! Хорошие деньги, вкладываемые правительствами стран НАТО, хорошая реклама, сработанная средствами пропаганды, и многие тысячи хороших и молодых парней — чем плохой бизнес для военных монополий?!

воды от загрязнений, позволяет занять работой 85 тысяч американцев. Где, однако, взять эти миллиарды? Из бюджета главных загрязнителей, в том числе военно-промышленных корпораций? Пока что этого не происходит.

В последние годы в США наметилось падение интереса молодежи к техническим профессиям и в первую очередь к специальностям, связанным с радиоэлектроникой, авиацией, космонавтикой. В чем причина — неужели работа на переднем крае научно-технической революции оставляет равнодушным современного молодого человека? Конечно, нет. Но в Америке такой выбор сопряжен с совершенно определенным риском. Известно, что из 460 тысяч рабочих, техников, инженеров, ученых, работавших над «лунной программой» США в середине 60-х годов, сейчас сохранили работу лишь немногим более 125 тысяч.

Отсутствие перспективного научно-технического планирования в масштабах государства в целом приводит к тому, что важные направления науки и техники развиваются рывками, часто лишаются ассигнований в угоду все тем же военным проектам. Здесь следует хотя бы мимоходом отметить одно распространенное заблуждение, охотно поддерживаемое средствами массовой информации на Западе: научный поиск в военных областях является-де чуть ли не главным стимулятором научно-технического прогресса в целом. Действительно, например, в 1973 году в США из более чем полумиллиона инженеров и научных работников, занятых научными исследованиями и опытно-конструкторскими разработками, каждый второй работал над военными проектами. Но гражданское производство отстает от военного по «наукоемкости» вовсе не потому, что здесь нечего исследовать и изобретать, а из-за скудости средств, выделяемых государством на эти цели. В 1971 году США израсходовали на научные исследования в авиаракетной промышленности 3928 миллионов долларов, а в такой сугубо мирной, как пищевая, 2 миллиона. И вот что интересно: вложения в научно-исследовательские работы в мирных отраслях, оказывается, относительно более эффективны, чем в военных. Выход продукции на каждый вложенный в науку доллар в мирных отраслях в десятки раз больше, чем в военных. Колоссальные растраты человеческих сил, талантов, энергии...

«Но ведь и наша военная наука и техника, как мы знаем, тоже на месте не стоят, — так, наверное, рассуждает читатель. — Мы-то тоже расходуем драгоценные рубли, силы, таланты на исследования и на производство, которые не применишь для улучшения жизни?» Все верно. Мы и в самом деле вынуждены поддерживать наш военный потенциал на таком уровне, чтобы с нами не попытались заговорить «с позиции силы». Но не мы инициаторы разорительной гонки вооружений. Именно поэтому каждый из нас вправе предъявить счет монополиям, «торгующим смертью». Если моему сыну вскоре придется отслужить положенный срок в армии, то ведь в конечном счете только потому, что уже поставили под ружье какого-нибудь Джона или Билла, чтобы в сейф какого-нибудь «Локхида» влилась запланированная и гарантированная струйка золота. А он — Джон или Билл, — может быть, хороший парень, против которого мой сын ничего не имеет, да и тому драться с нами не из-за чего. Значит, и мне, и моей жене, и нашему сыну никак не безразлично, с чем выступает «сенатор от «Боинга» г-н Джексон. И нашу семью прямо задевают увертки и отговорки тех, кто всеми правдами и неправдами препятствует сокращению гонки вооружений.

Если вдуматься, 300 миллиардов долларов в год, расходуемые сейчас человечеством на вооружение, — это вызов самому здравому смыслу. На Земле много неотложных дел, за которые можно и давно пора взяться сообща, — борьба с болезнями, с нищетой, безграмотностью, природоохранение, — короче, за достойную жизнь. Именно этого — дружеского сотрудничества народов, полного отказа от войн и взаимных угроз, полного осуществления прав человека жить на этой Земле — всегда и добивалась наша страна и добивается сейчас.

...Осенью прошлого года по двадцати двум маршрутам прошли по США колонны участников общенационального похода за разоружение и социальную справедливость. Много среди них было молодежи. Поход показал, что молодые американцы считают прекращение гонки вооружений, сокращение разбухших военных бюджетов решительным средством высвобождения ресурсов для решения острых социальных проблем.

Американская молодежь конца 70-х годов — это те, кто выведет свою страну на порог XXI века. Смогут ли они образумить современных царей зогов, остановить гонку вооружений и избавиться от диктата военно-промышленного комплекса? Под силу ли им такой поворот в судьбе своего государства, который столь необходим и всему человечеству? Ответы даст время и мы — я, ты, они — все те, кто твердо стоит против сил военщины и реакции. Все те, кто понимает, насколько безнравственна эта очевидность: воевать достается молодым.

«СЛЕДСТВИЕ СЧИТАТЬ ЗАКОНЧЕННЫМ»

С. БАРСОВ

В Ольстере существовала прочная традиция — не трогать артистов. Оркестры, состоявшие из католиков, свободно выступали в протестантских кварталах. Протестантские ансамбли развлекали своих поклонников-католиков. Североирландские музыканты ездили на юг. Группы из Ирландской Республики гастролировали в Ольстере. На протяжении всех последних кровавых лет войны неписаным правилом было: музыкантов не убивают.

(Из газеты «Нью мюзикл экспресс», Лондон)

Сразу оговорюсь: следствие по делу, о котором здесь пойдет речь, не было доведено до конца, хотя и подвигалось успешно. Вернее даже сказать: не «хотя», а именно потому, что хорошо подвигалось. Кому-то «сверху» надо было поставить на нем точку, и скорее всего полная правда о «бэнбриджской бойне» так и останется скрытой, но и имеющиеся данные говорят о том, кому было выгодно оборвать следствие. Чем дальше, тем больше оно било рикошетом по Лондону, по его оккупационной армии в Ольстере, и притом в самый неподходящий момент — когда Лондону приходилось расхлебывать разросшийся до международного масштаба скандал в связи с разоблачением пыток, применяемых английской армией к католикам Ольстера.

Взрыв на дороге

Их было шестеро: 29-летний певец Фрэн О'Тул, только что записавший свою первую часовую программу для ирландского телевидения; уроженец Белфаста 28-летний саксофонист Дес Макэйли; 23-летние гитаристы Стивен Трейверз и Тони Герати, их ровесник ударник Рей Миллер и 33-летний трубач Бриан Маккой. Вместе они составляли популярный ирландский ансамбль «Майами шоубэнд», игру которого взыскательные критики отмечали за «высокий профессионализм».

Все шестеро постоянно жили в Дублине, но в тот вечер выступали в маленьком североирландском городке Бэнбридже, неподалеку от ирландско-ольстерской границы. Правда, вначале намечались недельные гастроли в самом Белфасте, но съездивший туда импресарио «Майами шоубэнд» Бриан Макгир привез неутешительные вести. Ольстерская столица превратилась во фронтовой город, где жители и думать забыли о вечерних развлечениях.

Было за полночь 31 июля 1975 года, когда Фрэн О'Тул запел свою традиционную прощальную песню «Этого уже больше не будет». Рефрен оказался пророческим...

После концерта артисты ансамбля еще около часа раздавали автографы своим юным поклонникам и укладывали аппаратуру и инструменты в два бело-голубых микроавтобуса «фольксваген». Наконец «Майами шоубэнд» покинул Бэнбридж. Рей Миллер на своей машине отправился к родителям в Антрим, остальные взяли курс на Дублин. Они знали, что ехать рискованно: оккупирующая Ольстер английская армия официально заявляет, что не гарантирует безопасность на дорогах в ночное время. Но до границы было каких-нибудь три десятка километров, считанные минуты езды, за которые вряд ли могло что-нибудь случиться.

Едва «фольксваген» с аппаратурой, который вел импресарио Макгир, отъехал от Бэнбриджа, его обогнал темно-синий «Триумф-2000», до этого стоявший у обочины шоссе. Он умчался вперед, мигая красной фарой. Макгир продолжал спокойно ехать, не дожидаясь отставшего микроавтобуса с остальными пятью друзьями.

Километрах в десяти от города сидевший за рулем второго «фольксвагена» Бриан Маккой увидел, как впереди кто-то размахивает красным фонарем. «Должно быть, армейский патруль», — подумал он, затормозив у перегораживавшего дорогу переносного барьера. Подошедший к ним солдат приказал всем пятерым выйти из автобуса и стать лицом к кювету. Их тут же окружили пятеро солдат с автоматами наготове. Один, видимо, старший патруля, начал переписывать фамилии и адреса артистов. Тем временем из темноты появились еще двое и направились к автобусу с явной целью произвести обыск. «Как бы не поломали нам инструменты... От этой солдатни всего можно ожидать», — озабоченно шепнул Трейверзу Дес Макэйли и потянул его за собой к «фольксвагену».

В следующую секунду там, где стоял автобус, сверкнула яркая вспышка взрыва, а вслед за этим загрохотали выстрелы.

Когда Дес Макэйли, отброшенный взрывом в кювет, пришел в сознание, он увидел рядом с собой Маккоя... Мертвого Маккоя. Чуть в стороне пытался приподняться залитый кровью Стивен Трейверз. Дес кликнул Фрэна и Тони, но они не отозвались. На шоссе дымились искореженные взрывом останки микроавтобуса. Никого из солдат поблизости не было. Собрав силы, Дес встал и вышел на шоссе.

...В два часа ночи инспектора Джима Митчела поднял с постели телефонный звонок из полицейского отделения в городке Ньюри к югу от Бэнбриджа. Дежурный сержант доложил, что к ним только что доставлен некий Дес Макэйли, который утверждает, что их ансамбль «Майами шоубэнд» подвергся нападению группы английских солдат в десяти километрах от Бэнбриджа.

Митчел не был новичком в своем деле, ему не раз приходилось расследовать террористические акции ольстерских ультра, но то, что он увидел на сей раз, потрясло даже его. На теле Фрэна О'Тула, всего два часа назад певшего о любви в притихшем зале, полицейский врач насчитал двадцать одну огнестрельную рану, из них двенадцать в лицо. Тони Герати был убит автоматной очередью в затылок. Четыре пули сразили Бриана Маккоя. Деса Макэйли и Стивена Трейверза спасло то, что их отбросило взрывом и террористы, видимо, сочли их убитыми. Правда, кто-то из них, должно быть, на всякий случай все же выстрелил в Трейверза, тяжело ранив его в живот.

Из сбивчивого рассказа Макэйли следовало, что в нападении участвовало семеро мужчин, одетых в английскую форму. Однако представитель британского командования, прибывший на место кровавой драмы, категорически заявил, что никаких патрулей в район Бэнбриджа в эту ночь не высылалось. Возле обломков микроавтобуса лежали еще два трупа, но они были настолько обезображены взрывом, что установить личности убитых не представлялось возможным.

Все же Митчел решил начать именно с них, и, как оказалось, не напрасно. На руке одного из убитых обнаружилась татуировка из трех букв — UVF, что указывало на его принадлежность к так называемым «Силам волонтеров Ольстера», военизированной протестантской организации. В экстремистской иерархии «Волонтеры» идут вслед за «Ассоциацией обороны Ольстера» и играют роль своего рода протестантских штурмовиков, исполнителей «приговоров возмездия». Один из руководителей «Волонтеров», некий Хью Смит, хвастал однажды, что его организация насчитывает десять тысяч бойцов, прошедших специальную подготовку под руководством бывших военнослужащих САС. А САС — это специальные части британской армии, используемые в Ольстере для особо ответственных операций в католических районах.

Поблизости от места взрыва были найдены 9-миллиметровый автомат марки «стерлинг» и армейский револьвер 38-го калибра, а в придорожных кустах — четыре зеленых берета, которые носят члены вспомогательной армейской части, называемой «полком обороны Ольстера». Заметим: это

«Майами шоубэнд» в том составе, в котором он выступил в последний раз перед трагедией под Бэнбриджем; слева направо: Стивен Трейверз, Тони Герати, Рей Миллер, Бриан Маккой, Фрэн О'Тул, Дес Макэйли.

формирование находится под английским командованием. Как и «Волонтеры», полк укомплектован североирландскими протестантами, в основном бывшими солдатами так называемых «специальных войск Б», прославившихся в свое время невероятной жестокостью при подавлении выступлений католиков Ольстера за свои права. К рассвету полиция сделала еще две важные находки: разбитые очки, оброненные, надо полагать, кем-то из террористов в полукилометре от места засады, и легковой автомобиль «форд-эскорт», покинутый ближе к Бэнбриджу.

Инспектор Митчел за работой

Увы, столь многообещающая на первый взгляд зацепка, как «форд-эскорт», на поверку ничего не дала: оказалось, что машина была угнана у некоего Джона Райта вечером накануне нападения на «Майами шоубэнд». Сам же Райт, насколько удалось установить инспектору Митчелу, не поддерживал никаких связей ни с одной из террористических организаций в Ольстере.

Зато расследование в отношении автомата «стерлинг» и револьвера, а также результаты баллистической экспертизы дали в руки Митчела вполне определенную нить: оружие числилось «украденным» со складов «полка обороны Ольстера» еще в октябре 1972 года наряду с десятками других автоматов и самозарядных винтовок. Смотрите, что получается: «Волонтеров» натаскивали английские солдаты; «полк обороны Ольстера» подчинен английскому командованию; «Волонтеры» обзаводятся оружием со складов «полка», а тот, в свою очередь, получает его от английских оккупационных сил. Надо полагать, исчерпывающее расследование не сулило Лондону ничего приятного. Но пойдем дальше за событиями.

Судя по пулям, извлеченным из тел погибших, они были выпущены из тех же автоматов «стерлинг», из которых до этого уже было убито 19 ирландцев-католиков, причем во всех случаях преступники так и не были обнаружены. Гадать не приходилось: побоище устроили «Волонтеры», связанные с «полком обороны Ольстера». Вскоре удалось опознать и останки двух неизвестных, подорвавшихся на своей же мине. Ими оказались «майор» Харрис Бойл и «лейтенант» Сомервиль.

Представьте себе, что произошло бы в случае «гладкого» исхода операции. На территории Ольстера, вблизи границы с Ирландской Республикой, населенной католиками, взлетает на воздух микроавтобус. Эксперты без труда устанавливают причину происшествия: в машине находилась взрывчатка. Пассажиры — ирландские католики (нападавшие и не подозревали, что два музыканта, Маккой и Миллер, — протестанты). Вывод: католики Ольстера и Ирландии занимаются контрабандой взрывчатки для устройства террористических акций в протестантских районах Ольстера, привлекая для этого даже музыкантов (которым публика так безоговорочно доверяла!). Чем не оправдание для «профилактических» акций в католических кварталах силами английской армии?

Ни «Волонтеры», ни «полк обороны Ольстера» и не подумали опровергать свою причастность к «бэнбриджской бойне», как окрестила этот террористический акт пресса. На похоронах подорвавшихся террористов обе эти организации выставили почетные караулы, а орган «Волонтеров» газета «Комбат» («Схватка») напечатала пространный некролог и соболезнования родственникам и друзьям погибших.

Ими-то и занялся инспектор Митчел, пытаясь определить остальных участников террористической операции. Вскоре в поле его зрения попал 24-летний художник Томас Крозьер, младший капрал «полка обороны Ольстера», который был близким другом Бойла и Сомервиля. При обыске у него на квартире полиция обнаружила несколько комплектов формы «полка обороны Ольстера», пару пистолетов и винтовку. И хотя, как показала экспертиза, данное оружие не использовалось при нападении на молодежный ансамбль, Митчел все же арестовал художника-капрала, не без основания подозревая, что тот является и тайным членом «Сил волонтеров Ольстера». Однако, сколько ни бились с ним следователи, Крозьер упорно отмалчивался или же с рыданиями твердил, что его жена и дети будут неминуемо убиты «Волонтерами», если он проронит хоть слово.

Единственное, что удалось выяснить детективу, так это то, что незадолго до ночной засады Крозьер брал у некоего Сэмми Нейла темно-синий «Триумф-2000» — тот самый, который обогнал импресарио Маккгира на выезде из Бэнбриджа. Машину обыскали и в отделении для перчаток нашли клочок бумаги, на котором перечислялись отдельные компоненты самодельной бомбы. Увы, сколь ни эффектна была эта улика, она мало что дала следствию. Нейл отрицал всякую связь как с «Волонтерами», так и с «полком обороны Ольстера» и представил «железное» алиби в отношении роковой ночи. Что же касается Крозьера, который по-прежнему продолжал молчать, то о его действиях и передвижениях Нейлу якобы ничего не было известно. Инспектор Митчел не сомневался, что владелец «триумфа» знает гораздо больше, но доказать это так и не смог.

После неудачи с Крозьером и Нейлом инспектор попробовал исследовать последнюю остававшуюся у него улику — разбитые очки. И тут его ждала неожиданная удача: линзы были настолько уникальны, что, по статистике, такое зрение встречалось лишь у одного человека на 500 тысяч. Начались недели кропотливых поисков. Они привели инспектора к 28-летнему сержанту

На стр. 21 ▶

ВЕРНИТЕ НАМ ОСТРОВ

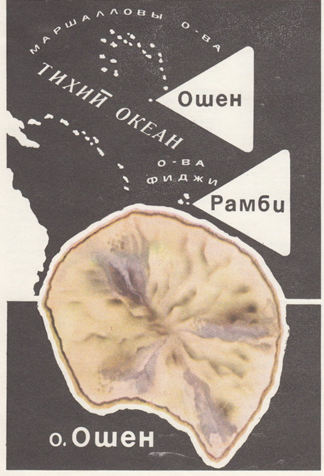
Альберто ОНГАРО,
итальянский журналист

„Нет, не понимаю, никак я не понимаю вас... Вот и газеты читаю, и утренние и вечерние, смотрю телевизор, слушаю речи и дебаты политиков, разговариваю с людьми, но нет, никак не понимаю, как устроены вы — западные люди! Вы говорите мне «да, вы правы», «нет никаких сомнений в том, что вы правы»; вы не скупитесь на обещания; вы одариваете меня и мой народ надеждой: «поглядим, — говорите вы мне, — что можно сделать»; но стоит мне выйти из вашего кабинета, как вы забываете все, вы выскребаете меня из вашей памяти и — что более важно — из вашей совести».

Эти слова, по тону своему скорбные и гневные, так похожие на слова краснокожих вождей американских индейцев, произносит Тебуке Ротан, человек, приезжавший в Лондон, чтобы здесь защитить права своего мало кому ведомого народа — банабанс. Их остров, Ошен, затерян среди островков Микронезии и был неизвестен до 1900 года, когда здесь обнаружили одно из крупнейших месторождений фосфатов. Его безбожной эксплуатацией поначалу занималась английская частная компания, затем — британское правительство. Сейчас запасы фосфатов на исходе, через пару лет отгрузят последнюю тонну. Пакуют уже чемоданы англичане, скоро они все уедут, а значит, пересохнет последний ручеек доходов для коренных жителей. Тебуке Ротан, сын вождя племени, потому и приехал в Лондон, что озабочен будущим острова и его жителей. Наша встреча произошла в скромном отеле в районе Вестминстера. Он рассказал мне историю острова Ошен, историю борьбы маленького Давида с острова Микронезии с гигантом Голиафом, пришедшим с Запада. Вот этот рассказ...

Уже многие столетия мой народ живет на острове Банабан, который западные мореплаватели окрестили Ошен (то есть «океанский». — **Ред.**). Веками экономика нашего острова держалась на рыболовстве, разведении кокосовых пальм и обработке копры. Беда пришла к нам в 1900 году, когда на остров высадился новозеландский мореплаватель Альберт Эллис; чуть ли не сразу же ему стало ясно, что Банабан — огромное хранилище фосфатов. Спрашивается, а что представляли собой фосфаты для нас, островитян, в 1900 году? Да ничего не представляли. Мы и не подозревали об их существовании, не знали даже такого слова — «фосфаты», не понимали, как можно их использовать, и не догадывались, что за эти удобрения можно получать большие деньги от стран, которые в них нуждаются. Вот так и получилось, что, когда Альберт Эллис попросил разрешение срыть скалы, где не росли кокосовые пальмы, а потом разрешение на вывоз этих фосфатов, банабанс ничуть не возражали.

Он нам предложил платить за каждую тонну пять, повторяю — пять пенсов, цифра смешная и издевательская для каждого, кто разбирается в делах хоть на каплю лучше, чем разбирались банабанс. Но мы, банабанс, оторванные от всего

Пришел ли конец колониализму? Судя по политической карте мира — наверняка. Но вот перед вами свидетель, вождь племени острова Ошен Тебуке Ротан, и его слова-свидетельства: есть еще такие места на земле, где колониализм — ежедневная практика.

мира, неграмотные и абсолютно неопытные в торговых делах, согласились. Более того, когда через некоторое время Эллис основал компанию по добыче фосфатов, банабанс согласились уступить ему право добычи сроком на 999 лет по цене пятнадцать фунтов стерлингов в год. Довольно скоро Ошен из острова рыбаков превратился в огромный карьер, в порт, принимавший и отправлявший корабли в Австралию, Новую Зеландию, Англию. На каждой тонне компания наживала огромные барыши, нам же шли все те же пять пенсов. Скажете, мы сами виноваты. Да, верно. Но откуда нам это было знать?

Со временем осознание того, что нас обманывают, появилось и у нас, но чем явственнее оно проявлялось в настроениях и открытых протестах, тем очевиднее проявлялось и желание Великобритании сохранить за собой власть над сказочно богатым островом. Совершенно неожиданно для нас остров Ошен, всегда бывший независимым, был присоединен к Британской империи. Был поднят на высоком шесте флаг, а на острове высадились солдаты, полицейские и комиссар, направленные правительством.

Нас никто не спрашивал, хотим ли мы этого присоединения; да и что, в конце концов, могли сделать какие-то три тысячи островитян против Британской империи? Меня тогда еще не было на свете, но отец рассказывал мне, что англичане прибыли с портфелями, разбухшими от документов. Старейшины острова вынуждены были подписать их, хотя не знали толком, что подписывали. Тогда еще никто не знал английского, а переводчиков за свои деньги присылало английское правительство.

Вскоре компания Эллиса была куплена британским правительством, причем как покупатель, так и продавец проявили предусмотрительность и аккуратность: ни один пенс при этой купле-продаже не попал в руки банабанс. Тут же на остров прибыл правительственный комиссар Артур Гримбл, человек тщеславный, готовый на все ради того, что он называл интересами империи. Едва прибыв, он заявил, что компания нуждается в новых территориях и банабанс обязаны предоставить их. Нужно, сказал он, срубить кокосовые пальмы, потому что фосфаты для Британской империи важнее, чем копра для банабанс. Понимаете? Копра, которая вместе с рыбой была для нас всем, теперь должна была перестать существовать для нас. И еще он все твердил, что мы — крошечное племя банабанс — должны быть счастливы оттого, что оказались полезны такой огромной империи, как Британская.

В конце концов совет старейшин племени, возглавляемый моим отцом, выдвинул требование: если Англия хочет приобретать и разрабатывать новые участки, то она должна пересмотреть договор и впредь платить по пять фунтов стерлингов за тонну увозимого с острова фосфата. Гримбла это предложение потрясло; он был оскорблен, он был взбешен, кричал, что банабанс — окончательно испорченный народ и что он силой займет все нужные ему участки и велит срубить все кокосовые пальмы, которые ему помешают. Тогда-то и произошел тот грустный и, если хотите, полный патетики, отчаяния и гордости эпизод в короткой истории банабанс: наши женщины, взобравшись на кокосовые пальмы, привязались к стволам, пытаясь таким образом помешать рубке. Но ничто не помогло: пальмы с привязанными к ним женщинами валились под ударами топоров на землю. Многие женщины получили увечья, те, что уцелели, были арестованы за неповиновение властям. Ну а дальше за дело принялись экскаваторы, и вскоре земля приняла вид изуродованный, как тело человека, еще вчера здорового, а сегодня пораженного проказой. С годами эти язвы все больше расползались по нашей земле, пока наконец банабанс не поняли окончательно, что уже недалек тот день, когда остров Ошен станет непригодным для жилья. Тогда-то мы и решили купить себе другой остров и всем туда переселиться.

И мы приобрели такой необитаемый островок. Он зовется Рамби и расположен в полутора тысячах милях от Ошена. Мы заплатили за него 24 тысячи фунтов стерлингов, вывернув все карманы и опустошив все копилки. Нам, конечно, не хотелось покидать наш Ошен, но ради будущего, ради спокойствия нам надо было иметь такой островок про запас. Это так мы думали про себя, так мы надеялись... Случилось же все по-другому. В сорок втором, во время второй мировой войны, японцы заняли тихоокеанские острова, и все банабанс были вывезены с Ошена и отправлены в лагеря, на строительные работы. Многие там умерли от голода, многие были убиты при попытке к бегству. Считайте, погиб каждый десятый. Мне тогда было пятнадцать лет, часть из них я прожил на Ошене, часть на Фиджи, потом в Австралии, в Брисбейне. Мой отец, немало натерпевшийся от нашей неграмотности и темноты, заставил меня изучить язык, законы и порядки белых.

После войны мы потребовали, чтоб нас вернули на Ошен, но англичане не торопились: они решили, что такую возможность избавиться от назойливых банабанс никак нельзя упустить. Едва экскаваторы снова вгрызлись в землю Ошена, англичане тут же завезли на остров шестьсот рабочих с Гилбертовых островов. Среди них не было ни одного банабанс. Нас же погрузили на два парохода, отвезли на Рамби, где и сгрузили, одарив палатками и провиантом на два месяца. Так мы очутились на купленном нами, но никогда не виденном Рамби.

Остров оказался диким, гористым, поросшим непроходимыми влажными джунглями. Там мало было кокосовых пальм, а в реках много ядовитой рыбы; он вообще оказался мало похож на наш родной Ошен. И здесь немало банабанс умерло — или отравившись, или от болезней. Нам пришлось переучиваться, перестраивать всю нашу жизнь. И мы смогли это сделать: смогли построить хижины, дома, дороги, маленький порт и даже школу и церковь. И все же Рамби не мог заменить нам родной дом, да и что заменит землю отцов? Мы по-прежнему мечтали вернуться на остров, спасти его от полнейшего разорения, добиться, наконец, справедливых условий добычи фосфатов.

И вот однажды, это было уже в 1966 году, мы с отцом решили отправиться в Лондон, чтобы вступить в переговоры на самом высоком уровне. На Фиджи мы наняли английского адвоката и вылетели в Лондон. Нас приняли представители компании, и приняли настолько хорошо, что, как нам показалось, никаких переговоров на высшем уровне и не потребуется. Нам предложили в качестве возмещения убытков 80 тысяч фунтов стерлингов. Мы с отцом посоветовались с нашим адвокатом, и тот сказал нам, что предложение, по его мнению, очень выигрышное, что нам непременно стоит его принять. Мы согласились. Наши партнеры по переговорам так обрадовались нашему согласию, что мы заподозрили неладное. Полилось рекой шампанское, нас катали в «роллс-ройсах» и все такое прочее. Особенно подозрительным нам показался неожиданный отъезд на отдых (кажется, в Шотландию) нашего адвоката. На последней встрече с англичанами мы условились, что официальное подписание соглашения состоится через пару дней. После этой встречи мы поехали с отцом в гостиницу, сели друг против друга и задумались. Мы не сказали друг другу ни слова, но через пять минут мы оба лихорадочно паковали чемоданы. Ближайшим самолетом мы вылетели на Фиджи.

Мы чувствовали, что этот договор — западня, и не ошиблись. Другой адвокат, на этот раз индиец, прочитав копию неподписанного договора, прямо-таки подпрыгнул на стуле. «Так это же настоящая западня! — закричал он. — В жизни не видел таких хитроумных ловушек!» Короче, дело обстояло так: запутанно и витиевато документ подтверждал окончательную передачу всех прав на добычу фосфатов на всем острове Ошен в руки компании за те самые 80 тысяч фунтов стерлингов.

Через три года я вернулся в Лондон. Тогда был шестьдесят девятый год, сейчас — семьдесят седьмой; стало быть, вот уже восемь лет идут переговоры, и конца им не видно. Расскажу, однако, по порядку: меня снова приняли радушно и вежливо, снова мне говорили, что да, дескать, была допущена ошибка, что договор в самом деле несколько несправедлив... Чего-либо существенно нового мне не предложили. Тогда я решил пробиться к министру, занимавшемуся вопросами тихоокеанских островов. В то время у власти были лейбористы. Шесть месяцев я угробил на то, чтобы подняться по лестнице, ведущей к министру. Наконец я пробился и был вежливо выслушан, и меня заверили в том, что министр сам приедет на Фиджи и лично во всем разберется. И в самом деле, министр посетил Рамби и Ошен, лично убедился в том, во что превратили наш остров, и сам пообещал добиться справедливого решения вопроса. Но тогда, едва он вернулся в Лондон, правительство лейбористов пало, к власти пришли консерваторы, и все началось сначала.

Случай свел меня с одним из лучших адвокатов Лондона, который близко к сердцу принял наше отчаянное положение. Он посоветовал мне подать иск на правительство и потребовать возмещения убытков в сумме десяти миллионов. Этих денег нам, конечно бы, хватило, чтобы восстановить остров, засадить его пальмами, поправить дела с рыбой. С этой надеждой мы и шли в суд. Похоже, что дело мы выиграли. Я говорю «похоже», потому что не все понимаю. Судья, к примеру, наговорил массу приятных в наш адрес слов и гневно осудил тех, кто нас грабил; он был чрезвычайно красноречив и убедителен, но почему-то ни слова не сказал о десяти миллионах. Сказал, что и миллиона нам хватит. Вот я и не понимаю — выиграли мы дело или проиграли. Получается, что и в суде существует все та же пропасть между словами и делами. Потому я и говорю, что не понимаю, как устроен ваш разум, ваша голова и ваша совесть...

Перевел с итальянского
С. РЕМОВ

АПАРТЕИД

В последнее время, когда по гетто, в которые согнано «черное» большинство населения ЮАР, волна за волной прокатываются бунты, когда моральная изоляция режима апартеида — расизма, возведенного в ранг государственной политики, — становится все плотнее как на Африканском континенте, так и во всем мире, вопрос «Как долго продержится апартеид!» становится актуальным. Проблема апартеида привлекла внимание и автора публикуемой статьи — известного в Канаде писателя и поэта, профессора английской литературы, кино- и телепродюсера. Он задумал снять фильм об истории африканеров — народа, ведущего свое происхождение от переселенцев из Европы — Голландии, Франции и Германии. К удивлению Барри Каллагэна, южноафриканские власти не стали чинить ему препятствий и организовали встречи с высшими чиновниками, бизнесменами, священниками. Дивиться тут, собственно, нечему, если учесть, что правители ЮАР в попытке ослабить международную изоляцию стремятся придать респектабельность, благопристойность своему режиму, претендуя (заметим: не без основания) на то, что этот режим является неотъемлемой составной частью «свободного мира». Однако спустя две недели после столь счастливого начала своей поездки по ЮАР канадец подвергся аресту и был выслан из страны без всяких объяснений. Впрочем, судя по публикуемым заметкам, он догадывается, что причиной должно было послужить его посещение без ведома полиции Соуэто, «черного» пригорода-гетто под Иоганнесбургом, куда иностранцам доступ воспрещен. О своих впечатлениях от знакомства с ЮАР Каллагэн рассказал в журнале «Маклинз», откуда мы и перепечатываем его заметки с незначительными сокращениями.

Бар на Твист-стрит. Комнату застилает охряный сумрак. Табуреты вдоль стойки намертво прихвачены к полу цепями, и оттого оба собеседника, чудится, тоже прикованы цепями к своим местам.

Поэт в полосатой морской тельняшке говорит: «Как увидеть Южную Африку? Очень просто. Надо в полночь уставиться в зеркало и скорчить рожу, да пострашней, и пусть бы в этот момент за окном рявкнул паровоз, чтобы отражение в зеркале окаменело. Это и есть Южная Африка. Жуткая рожа, да никуда не денешься — твоя собственная».

* * *

Настоящее пекло. Однако на этом африканце шерстяная кепка и серый шерстяной же свитер. Он стоит в дверях ювелирного магазина. Защитная решетка перед витриной опущена. За стеклом механическая игрушка: верблюд, мотающий головой вверх-вниз; он под кожаным седлом, расшитым мелкими кусочками зеркала. Африканец мнет сигарету, под мышкой той же руки у него скатанный коврик, на котором он сидит и спит перед входом в магазин.

«Я без конца ломаю башку: отлипнут они от нас когда-нибудь или нет? Я про белых. Они норовят быть боссами в черной стране, а мы, черные, чтоб оставались никем. Куда ни глянь — полиция. Нас — в одну сторону, белых — в другую. Все врозь. А однако и расцепиться нам никак не удается. Вот Соуэто. Соуэто держит белых мертвой хваткой. Езжайте, поглядите. Хотя в Соуэто нельзя ехать без специального разрешения». — «Я там уже был». — «Полиция знает?» — «Нет». — «Это вы думаете, не знает. Полиция все знает».

* * *

На знаке написано: «Частная дорога». Но здесь это надо понимать так, что дорога — только для «черных» и что в домишках по обе стороны — одни «черные». Вдоль дороги — столбы, провода, фонари, и поначалу думаешь, что здесь, должно быть, много света по вечерам. Ошибка: провода тянутся мимо домов, не ответвляясь. В здешних домах нет электропроводки, нет по вечерам света, нет электроплиток, пылесосов, электропечек, нет ничего из предметов современного комфорта; есть, правда, водопровод с холодной водой, но нет туалетов; в комнатах нет потолков, оштукатуренные стены — редкость, зато много земляных полов; улицы без тротуаров, и повсюду сажа — здесь топят углем.

Этой сажей в Соуэто дышит миллион чернокожих мужчин, женщин и детей, набившихся в каждый домик-коробочку человек по шестнадцать. Половина из них живет без прописки. Соуэто — это, вообще говоря, не имя собственное, а всего лишь благозвучное сокращение от South Western Townships («юго-западные поселения») — термина, пущенного кем-то в оборот в 1963 году, чтобы как-то обозначить эти 85 квадратных километров, составляющих пятый по величине город к югу от Сахары, мрачный «город-спальню» для черных рабочих Иоганнесбурга. В этом городе сокращению подлежит все — «Соуэто», «Ио-бург», сама жизнь, карликовое детство, искалеченные супружества... Если ты «черный», твой век в среднем лет сорок, да и те в каком-то тумане, только кусочек отчаянной радо-

Снимок сделан в черном гетто Соуэто под Иоганнесбургом корреспондентом итальянского журнала «Эпока». То, что сверху, — реклама, уверяющая, что именно с этой маркой пива жизнь становится прекрасной. То, что ниже, — обыкновенная жизнь, с пивом ли или без пива, но с апартеидом.

КАК ОН ЕСТЬ

Барри КАЛЛАГЭН,
канадский писатель

сти в воскресенье — сходить в одну из сотен шумливых церквей, или «поболеть» за свою футбольную команду, или, промаявшись с полчаса на кухонной табуретке во дворе и наглотавшись какой-то бурды, отправиться в кабак, напиться и завершить день в обществе «королевы» из того же кабака, на что жена не скажет ни слова, так как она пуще смерти боится развода: разведенные женщины здесь существа практически бесправные.

Соуэто сложился из африканцев, которые, покинув свои племена, хлынули в город в середине 30-х, в 40-х годах и особенно сразу после войны. Они получали работу в «Ио-бурге», поселялись в бараках, снимали лачуги, некоторые даже сами ставили домики, но земли в собственность не получил ни один. Официально они именовались «мигрирующим населением, которое не подлежит наделению равными с белыми политическими и социальными правами». Если «черный» не прописан в Соуэто или другом подобном поселении, его могут сослать в какую-нибудь резервацию, где, по словам депутата южноафриканского парламента Дж. Рассела, «африканские женщины, старики и дети, разлученные со своими домами, гниют заживо в переполненных палатках, жестяных лачугах и ветхих бараках» и где из каждых 22 умирающих детей 13 погибают от голода.

Ежедневно в Соуэто происходят три убийства. Ежегодно в ЮАР регистрируются 5700 убийств; за последние двадцать лет 220 тысяч осужденных получили 1 миллион 220 тысяч плетей; за пять лет в 1960-х годах было казнено 508 человек — почти половина известного общего числа казней в мире за тот же период.

Ежедневно из Соуэто в «Ио-бург» ездит на работу четверть миллиона человек — на автомобилях, такси, велосипедах, но большей частью в переполненных поездах, следующих в часы «пик» с интервалом в две с половиной минуты. В дни зарплаты пассажиров терзает страх — молодые головорезы тут же, в битком набитом вагоне, вонзают человеку нож в спину, обирают его и, мертвого, оставляют стоять в плотно стиснутой толпе; или нападают на улице. Корень насилия — апартеид. Неимущие мужчины, неимущие женщины...

По кучам мусора ползают дети. На пустырях и во дворах валяются останки автомобилей, точнее сказать — объедки. Они обглоданы до остова. Здесь ничто не идет в отбросы, хотя все — отбросы, конечный продукт апартеида, или «культура падали», как сказал поэт Брейтен Брейтенбах, сидящий сейчас в тюрьме. «Апартеид, — пишет он, — это ночь белого человека, мрак, застилающий его сознание и сознательность. Кредо белого жителя: «То, чего я не вижу, не существует». Апартеид — это фашистское устройство общества. Это тоталитарный режим. Апартеид — это шизофрения, умственный недуг, разрывающий взаимосвязи между мыслями, чувствами и поступками. Это паранойя. Культура в «государстве белизны» не терпит политического самосознания, хотя апартеид и прикрывается именем западной цивилизации, именем культуры африкаанса».

Что такое культура африкаанс? Кто такие африканеры? Это голландцы, гугеноты (протестанты, бежавшие из Франции. — **Ред.**) и немцы. Они считают себя африканским народом, белым племенем, численностью в 3,8 миллиона человек, зажатым в одном углу континента, населенного 300 миллионами черных африканцев. Их страна — сильнейшая индустриальная держава Африки с одним из самых высоких уровней жизни в мире. Это люди, воспитанные на чувстве превосходства, опирающемся на их расу и религию, и свято почитающие свою историю и предназначение. Но их «исключительность» зиждется на двух факторах — обилии природных ресурсов и дешевизне «черной» рабочей силы в неограниченных размерах.

По свидетельству историка Вана Яарсвельда, расовые предрассудки стали укореняться в сознании африканеров еще в XVIII столетии. Они выросли из страха исчезновения белого племени. Этот страх и протестантская религия породили убеждение, что бог говорит на языке африканеров.

Южная Африка — это массивы в целом безводных и неплодородных земель, и белые поселенцы, буры, как они стали себя называть, сводили концы с концами только благодаря тому, что захватывали обширные участки и заставляли работать на себя черных африканцев. Бур отгородился от черных рабов своими религиозными догмами, в соответствии с которыми черные африканцы суть потомство Хама [1], чье

[1] *Библейский персонаж, сын Ноя, проклятый отцом; все потомки Хама, по библии, обречены быть рабами. — Примеч. ред.*

предназначение — быть дровосеками и водоносами. А посему, как и указано в священном писании, надо отделиться от нечистых и не осквернять себя общением с ними. И брак с дочерью Хама — тяжкий грех, поскольку ведет к осквернению белого племени. Но хотя буры и покорили «черных» африканцев и захватили их землю, в них вселился страх, что те же африканцы попытаются отобрать эту землю назад.

Буры более или менее успешно держали своих рабов в повиновении вплоть до 1806 года, когда Южную Африку захватили англичане. Новшества, введенные последними, — набор «черных» африканцев в полицию, изъятие оружия у белых поселенцев, рассмотрение в судебном порядке жалоб рабов на своих хозяев, — были восприняты бурами как провокация и угроза. В 1815 году на этой почве произошли волнения, подавляя которые англичане повесили пятерых буров на глазах у их семей. Причем виселица сломалась, но казнь все равно повторили. Так началась кровавая распря между англичанами и африканерами. В 1838 году буры снялись с насиженных мест и начали свой «великий исход» из Капской колонии в глубь континента. Две тысячи беженцев на повозках, запряженных буйволами, ушли за Оранжевую реку. Это и считается началом их «священной истории», ибо тогда же якобы «господь поставил свой завет с ними».

Уйдя от англичан, буры основали Оранжевое Свободное государство и Трансваальскую Республику. Земля Трансвааля, однако, хранила семена будущего краха буров — богатейшие в мире запасы золота. Фермеров-буров оно не интересовало, и они, продавая английским старателям золотоносные земли, откочевывали в другие места. Но к 1880-м годам свободных мест не осталось. Обложенные со всех сторон, буры могли или капитулировать перед англичанами, или восстать. Они выбрали второй путь и 11 октября 1899 года вступили в единоборство с мощнейшей империалистической державой мира... Когда война закончилась, на месте 30 тысяч ферм дымились головешки, перебита была половина поголовья скота. В боях погибло всего 5 тысяч буров, а в концлагерях умерло 26 370 женщин и детей. Фермерская экономика буров была уничтожена, независимые республики ликвидированы.

...Когда в Европе начиналась вторая мировая война, Южная Африка была расколота — не только враждой между белыми и «черными», но и трениями внутри лагеря белых — африканеров, англичан, значительной еврейской прослойки. Много сторонников имели в Южной Африке нацисты. Решение вступить в войну на стороне союзников прошло в парламенте с минимальным перевесом голосов и было настоящим шоком. Однако именно участие в войне окончательно сформировало облик африканерского национализма. Далекая от театра военных действий, страна переживала настоящий бум на поставках союзникам. Рабочей силы не хватало, пришлось допустить «черных» африканцев на места, ранее для них запретные. Сыновья белых фермеров, повалившие в город после войны, были плохо образованы и натыкались на конкуренцию «черных» африканцев. И тогда Национальная партия сформулировала свой лозунг, с которым пришла к власти после выборов 1948 года: «Политика нашей страны должна состоять в безоговорочной поддержке апартеида как главной цели раздельного национального развития, чтобы обеспечить безопасность белой расы и христианской цивилизации».

Между апартеидом «в идеале» и апартеидом как он есть всегда было непреодолимое противоречие. «В идеале» — сегрегация рас, означает якобы для каждой расы свободное следование по своему пути культурного и политического развития. В действительности — экономическая эксплуатация белыми черных, то есть новое распределение ролей вполне в духе старых библейских заветов: черные — это хананеи, нечистые, которых надо держать в обособленных местах, таких, как Соуэто, но, кроме того, они — потомство Хама, самим богом обреченные на вечное рабство, и потому должны быть изолированы и должны в поте лица работать на белого.

Теория апартеида была разработана в 1947 году профессорами Стелленбосхского университета, которые предложили создать автономные небелые государства под опекой африканеров. Это означало бы, что карликовые, бессильные бантустаны — племенные образования, отделенные друг от друга и вкрапленные в белую Южную Африку, — функционировали бы как резервуары неквалифицированной рабочей силы, полностью зависимые от экономики государства белых.

И тяжелый кулак авторитарного режима приступил к действию. Министру юстиции в соответствии с законом о подавлении коммунизма были вручены широкие полномочия в отношении лиц и организаций, считающихся «подрывными». Его решения не подлежали ни рассмотрению в судах, ни апелляциям. Тотчас были закрыты «подрывные» газеты и журналы. К 1961 году, когда Южная Африка выделилась из Британского Содружества, список репрессивных законов стал похож на длинное религиозное заклинание.

* * *

Меня принял у себя дома член Верховного суда ЮАР Дж. Ф. Мараис.

— Когда перед вами человек, обвиняемый на основании закона о подавлении коммунизма, а вы точно знаете, что он не коммунист, как же вы его осуждаете?

— Антикоммунистическое законодательство и не имеет в виду никакую идеологию. Его назначение — борьба против подрывных актов и действий, которые могут угрожать безопасности государства.

— Но не становится ли закон при его таком расплывчатом характере средством запугивания?

— Я полагаю, что парламент именно этого и хотел.

— Запугивания?

— Да, запугивания, чтобы образумить любого, кто вознамерится использовать коммунистическую тактику для подрыва государства.

— Итак, законам вашей страны присуща неопределенность?

— О да, несомненно. Несомненно.

— Это же опасно для граждан?

— Видите ли, когда вы в точности не знаете пределов своей свободы, вы невольно воздержитесь от совершения определенных поступков.

* * *

Захудалый городишко под названием Умтата. В гостинице «Савой» в моей комнате стоит узкая железная кровать с тонким матрацем. Взбиваю подушки повыше — собираюсь почитать на ночь. Время — около одиннадцати. В коридоре шаги, стук в мою дверь.

«Кто там?» — «Полиция, откройте».

В комнате холодно (начало зимы), но я вылезаю из-под одеяла и в чем есть иду к двери. Входят двое в штатском, себя не называют. Обоим за тридцать. Один, с усиками и брюшком, неловко улыбается, словно попал сюда по ошибке. Второй, в малиновых джинсах, держится уверенно и сухо, говорит, не разжимая зубов. Никаких объяснений или претензий, просто ему нужен мой паспорт. «Мы сейчас вернемся».

Возвращаются. «Вы арестованы». — «Это шутка?» — «Оденьтесь, уложите чемоданы». — «Зачем?» — «Делайте, как вам сказано». — «Меня что — забирают в тюрьму?» — «Да».

В камере два незастекленных окна. Холодно. Стены выкрашены черным. Ложусь на поролоновый коврик, расстеленный на цементном полу.

В полдень меня ведут на допрос. Их двое: один, лет шестидесяти пяти, одутловатый, с рассеянной улыбкой, другой — полковник, в солнцезащитных очках, скулы обтянуты загорелой кожей. Он произносит: «Профессор, вы имеете право не отвечать на наши вопросы». — «Что вы хотели бы узнать?» — «Зачем вы к нам приехали?»

Тот, что постарше, начинает записывать мои показания. Я рассказываю, что встречался с судьей, с учеными и бизнесменами, со священниками и что все встречи были организованы по официальным каналам.

«Хотите чаю?» — спрашивает вдруг тот, что постарше.

Он уводит меня в другой кабинет. Там за чашкой чаю мы толкуем о достоинствах южноафриканского бренди. Он на минуту выходит, и я пользуюсь случаем, чтобы заглянуть в карточки, стопкой сложенные на столе. Это, оказывается, полицейские донесения. Успеваю прочесть: «Джозеф Поуни. К политике не проявляет никакого интереса, ни в чем не замешан. Поэтому наблюдение за ним надо продолжить». Вот, значит, как — сажают в тюрьму не за деяние, а для того, чтобы предотвратить деяние.

Через пару часов в кабинет входит высокий человек. Мой собеседник со скорбным выражением на лице затягивает галстук и надевает пальто.

«Подпишите, пожалуйста», — говорит высокий. «Что это?» — «Подпишите». — «Можно будет прочитать после того, как подпишу?» — «Можно».

В соответствии со статьей 8, часть 2, закона об иностранцах № 1 от 1937 года и в духе статьи 5, часть 1, вышеозначенного закона мне предлагается покинуть страну в 24 часа.

В аэропорту перед посадкой в самолет, отправляющийся в «Йо-бург», ко мне опять подходит высокий. «Видите ли, закон требует... У вас не было специального разрешения на поездку. Наверное, это чей-то недосмотр. А разрешение необходимо, хотя вашу поездку и обеспечивали официальные учреждения». — «Но в чем моя вина?» — «Потом узнаете».

В самолете стюардесса подает мне коричневый бумажный пакет, на котором нацарапано мое имя. В пакете — бутылка лучшего южноафриканского бренди.

Перевел с английского
С. ДАНИЛОВ

том белом костюме-тройке сидит на стуле. Снимается сцена в суде.

Даже непосвященный знает, что съемочная площадка похожа на муравейник во время лесного пожара. Все носятся, орут, просто невероятно, что в этакой суматохе в конце концов рождается что-то логичное.

Впрочем, скоро становится ясно, что первое впечатление обманчиво. Каждый знает свои обязанности и выполняет их быстро и добросовестно. За шесть-семь рабочих дней они делают одночасовую серию. Так и пролетают неделя за неделей.

Блейку меня представил один из его сотрудников. Не успел я и рта раскрыть, как к нам подлетел тощий человечек с запиской. Лицо у него — точь-в-точь мордочка попавшей в капкан лисы, которая знает, что на свободу ей не вырваться. Человечек сказал, что принес список эпизодов, которые продюсер велел переснять. Блейк даже не взглянул на записку, скатал шариком и щелчком отправил подальше.

— Передайте, что мне начхать на то, что он велит. Ни единого кадра переснимать не буду!

Человечек все стоял, открыв рот, будто собираясь что-то сказать. А Блейк уже повернулся ко мне, и мы поздоровались. Лицо его прояснилось, он даже улыбнулся. Потом, похлопав меня по плечу, сказал:

— Извините, придется вам подождать, пока я со всем этим бедламом разберусь.

— Не беспокойтесь, я пока тут похожу, осмотрюсь, — сказал я.

Следующие два часа Блейк диктовал новые эпизоды, репетировал уже написанные сцены, подчищал текст, беседовал с режиссером — указывал, что и как делать, утешал оператора, крохотного старичка с огромными усами. Его звали Гарри Вулф, он снимал все фильмы про Баретту и в прошлом году получил даже премию за это. Было видно, что Блейк любит его и полностью доверяет. Одновременно он успевал выслушивать бесконечные жалобы и претензии: костюмы безобразны, в таком-то эпизоде не на месте наплыв, такую-то сцену нужно сократить, а эту удлинить, а вон ту вырезать совсем. И на все у Блейка был ответ, и ничего он не забывал и не упускал из виду. Неважно, что орет он, неважно, что он свирепый диктатор, главное, вся съемочная группа любит его. В девять утра он уже на площадке, и до глубокой ночи юпитеры не гаснут.

РАЗГОВОР НА ПЛОЩАДКЕ НОМЕР 37

Гарри КРЮС,
американский писатель

Вспомните, что вы читали о Голливуде? Скорее всего это были интервью с... или очерки о... Великих Актерах или Великих Режиссерах (великих, по крайней мере, на тот, короткий момент).

Очерк, который мы предлагаем вам сегодня, нарочито написан о человеке, не слишком-то (особенно за пределами США) известном и интервью не избалованном. Да и автор его — писатель, к славе не приученный. Так получился разговор без фанфар и сенсаций, так получился очерк не о празднике, а о буднях. И связанных с ними мыслях.

В девять утра я вышел из гостиницы «Шератон». Она, как и все здесь, принадлежит киностудии «Юниверсл». На небе ни облачка, солнце вот-вот глаза выжжет, кругом стада туристов. Вдоль стоянки машин выстроились — ни пройти, ни проехать; вооружились фотоаппаратами и ждут. Какой-то выскочил из толпы, нацелил объектив.

— Вы кто будете? — спрашивает.

— Никто, — отвечаю, — так, посторонний.

Фотоаппарат сразу поник, и турист уныло поплелся обратно.

В рекламных буклетах гостиницы бодро сказано, что студия «Юниверсл» — крупнейшая в мире, вот люди и едут. Это ж такой соблазн — подышать воздухом Голливуда, хоть одним глазком подсмотреть. Едут, чтобы совершить экскурсию по съемочным площадкам и павильонам, увидеть, как рушатся мосты, как у ног их плещется Красное море, как на глазах исчезают библейские города.

Я сел в такси и поехал на съемочную площадку номер 37, где по сценарию Роберта Блейка и с его участием снималась для телевидения очередная серия про сыщика Баретту.

...Роберт Блейк в безукоризненно сшитом белом костюме-тройке сидит на стуле.

Он подошел и сказал:

— Уж и не знаю, удастся ли нам побеседовать. Во всяком случае, запомните, как только я сяду вон в то кресло, подходите смело, не стесняйтесь.

— Ничего, ничего, я не спешу, — ответил я, провожая его взглядом.

Фигура у Блейка отличная: широкие плечи, сильные руки, мощная грудь. Видно, как под пиджаком перекатываются упругие мышцы. Великаном его не назовешь, росту и шести футов не будет, но почему-то рядом с ним чувствуешь себя маленьким.

Пока подбирали освещение к следующей сцене, Блейк снова подошел и пригласил к себе. Его машина с домиком-прицепом стояла недалеко от павильона.

Мы вошли: маленькая кухонька, спаль-

ня, кондиционер на потолке. Пол и стены затянуты грубой тканью. Блейк взглянул через плечо на меня, одарив невинной улыбкой младенца; он это умеет делать. Каждая вторая американка влюблена в эту улыбку.

Я для начала попросил рассказать, какая разница между работой в кино и на телевидении.

Он взглянул на меня с прищуром, о котором мечтает каждый второй американец.

— На телевидении подражателей больше. Без зазрения совести спекулируют на популярности, скажем, Перри Мейсона[1] или Утенка Дональда. Им все равно. Лишь бы твою программу купили и выпустили на экран. Это ведь не кино: чем лучше фильм, тем он больше зрителей соберет. И не сценарий; в него так всю душу вложишь, сердце радуется, да и слава себя ждать не заставит. А на телевидении как заведено? Оторвал солидный куш, сплавил передачу, а через день уж и забыл о ней. Вот и гоняются все за дешевкой, а какое качество — всем наплевать.

Я спросил, кто режиссер этой картины, хотя, по правде говоря, имя его мне было безразлично. Просто хотелось, чтобы Блейк говорил — с первого взгляда он мне был по душе. Потому что говорил он как фанатик, а я это люблю.

— А разве имеет значение, кто режиссер? Эту серию снимает какой-то Роберт Дуглас. Они у нас долго не задерживаются, что ни серия, то новый режиссер. У нас контракт с их ассоциацией, вот она нам и поставляет их каждый раз. А толку чуть. Все равно что пустое место, съемки сами по себе идут. Хороших режиссеров на телевидении — раз-два да обчелся. Остальные — пузыри. Мыльные.

...Огромный кабинет — целый полк разместить можно, я сижу и жду крупнейшего в Нью-Йорке (так мне, по крайней мере, было сказано) издателя. Он купил мой последний, шестой, роман. Контракт подписан, деньги в кармане, и сейчас, проехав тысячу миль, я сижу и жду его, чтобы получить (так меня уверяли) квалифицированный совет, как из хорошей книги сделать отличную. Лично я с ним не знаком — ведь раньше он моих книг не покупал.

Он влетел в комнату, небрежно поздоровался (он человек простой, церемониться не любит) и уселся прямо на пол, хотя в кабинете одних диванов не меньше дюжины, а в кресле места хватило бы для слона.

И сразу завел разговор о своем гайморите. Я уж подумал, что по ошибке не туда попал, или он меня с кем спутал, а то почему он полагает, что мне интересно слушать про его болезни? Вдруг он на полуслове прерывает описание гнойника в левой ноздре и говорит: «Так вот, Гарри, относительно вашей книги...» Я в нетерпении подался вперед. Он тоже. Ну, сейчас наконец я услышу Слово. «Значит, Гарри, вам нужно кое-что доработать... — Он помолчал. — Продумайте финал и пустите в него воздух». Я сидел и ждал, что же последует за этим. Но он добавлять ничего не собирался. «Пустить воздух?» — спрашиваю. Он потрогал свой несчастный нос и сказал: «Именно! Мой вам совет: продумайте финал и пустите в него воздух». Я просидел у него два часа, стараясь уяснить, что такое «пустить воздух», но так и не понял. Больше мы не виделись. Как прикажете называть такого человека? И вот спустя много лет Блейк напомнил мне определение, я его тогда никак подыскать не мог. Он сказал про таких — Мыльные Пузыри.

Разговор у нас пошел об истинных мастерах своего дела. Блейк завелся, стал говорить про Гарри Вулфа.

— Он здесь с первого дня съемок. Сколько сил угробил, сколько крови перепортил, пока удалось из нашей программы что-то путное сделать. А вчера подходит и знаете что говорит? Гоните, говорит, меня в шею, если что не так! Это его-то — в шею! А продюсер еще имеет наглость заявлять, что резкости, видите ли, не хватает. Или еще чушь какую-то мелет. Будто Вулф на него работает! Для меня это он все делает! Впрочем, не для меня, а вместе со мной, как друг, как собрат по профессии. А прочие все, трясогузки, чепухой всякой занимаются, ничего путного родить не могут. Начхать им на все двадцать раз. Все про американский профессионализм говорят, а где он, профессионализм этот? Могикане вроде Вулфа уже вымирают, а молодые хитрецы хоть и знают рецепты, да думать им лень. Боятся думать, потому что, если додумают, решать что-то придется. А это дорогое удовольствие...

— А любимые актеры есть у вас?

— Есть. Только все они давно в могилах. Зато фильмы их нас переживут. Впрочем, не только в игре дело. Были еще блестящие сценарии — вот вам и источник вдохновения. А сейчас что? Бродишь как в паноптикуме... Я вот что понял: ушло из наших фильмов ощущение правды. Даже те ребята, что правду говорить хотят, — Де Ниро там, Пол Ньюмэн, — и у них правда какая-то ненастоящая, вторичная. Таланта хватает, и ловко все получается, а задыхаться от счастья, что точное делаю или точное вижу, — такого нет. Я себя на зрительское место ставлю и думаю: может, постарело кино? Не чудо оно больше? Тогда почему чудо из книг не уходит?

И такая меня ярость охватывает, я ведь и сам однажды только, в одной сцене, это точное сыграл — будто вынырнул, воздуха глотнул... И это за всю жизнь...

А мне вспомнилось, как в одном из ранних фильмов (он играл тогда совсем ребенком) ему нужно было скакать на лошади, и мать подсаживала его, несмышленыша, в седло, а он весь дрожал от страха. Я спросил, была ли это его первая роль в Голливуде, и напомнил, что в каком-то интервью он рассказывал о матери, а вот об отце не упомянул.

— Меня мать в кино притащила. Думала, золотой дождь польется. И правда, со мной тогда в «Метро-Голдвин-Майер» сразу заключили контракт. А студия была в расцвете, там работали Джон Гарфилд, Спенсер Трейси[1]. Дождя только я не дождался... Теперь насчет отца. У него с головой не все в порядке было. И если бы не семья — мать да нас, детей, трое, туго б ему пришлось. Я, когда поменьше-то был, не понимал, что он ненормальный. Оно и к лучшему. Папаша у меня был зверь. Колотил нас почем зря. Вскочит, бывало, ночью, стены на меня давят, кричит, родные дети извести хотят, ну и давай нас дубасить.

Мой собственный отец умер, когда мне было полтора года, мать вскоре вышла замуж за его брата. До семи лет я считал, что это мой настоящий отец. «Настоящий» — даже слово какое-то странное. Я звал его «папа», любил. Хотя он постоянно пил, дрался, приходил домой весь в шрамах и ссадинах, и каждую ночь, лежа в постели, я трясся от страха за маму, крики ее разносились по всему дому, а он все бил и бил, пока сил хватало. До меня донеслись слова Блейка: «Под конец он уже был настоящей развалиной». И я вновь увидел себя рядом с отцом, когда встретился с ним после пятнадцатилетней разлуки (мама все-таки нашла в себе силы уйти от него). Я только что демобилизовался из морской пехоты и решил во что бы то ни стало разыскать его. И вот он сидит передо мной в своей убогой каморке и беззубым ртом хлебает жидкий суп. В комнате грязно и холодно. У меня язык не повернулся назвать его «папа». Он тоже отводит взгляд, говорить нам не о чем. И я пошел к двери. Мне вдруг захотелось невозможного, чтобы он позвал: «Сынок, дорогой мой!..»

Заблудившись в лабиринте чувств и мыслей, я решил сменить тему разговора.

— Помимо прекрасной игры в фильмах «Улица свиных отбивных», «Скажи, что пришел Вилли Бой» и замечательного образа в «Хладнокровном убийстве», вся страна знает вашего сыщика Баретту. Не боитесь ли вы творческого застоя, снимаясь в этой многосерийной постановке?

— Никаких застоев у меня не будет, можете поверить, это вам не прогноз погоды. Действительно, к гримерным, к павильонам быстро привыкаешь, они для тебя что дом родной. А тут еще подзуживают: ну, останься на годик-другой. А там, глядишь, еще и еще. Привычно. удобно. Только постепенно интерес публики падает, надоедает одно и то же смотреть, да и самому уже все надоело, — он указал на мою новую книгу, «Праздник змей», которую я принес ему в подарок, — ведь и книгу можно только раз написать. А начнешь повторяться, и выбросят тебя через семь-восемь лет на свалку. Вот и хочешь не хочешь, а приходится браться за свежий материал, иначе и жить незачем.

— Скажите, а дети есть у вас?

— Двое, сын и дочка.

— Вы хотите, чтобы они стали актерами?

— Мне как-то все равно. Я их уму-разуму не учу, скорее сам у них набираюсь, вот в чем фокус. Они с рождения все знают. А взрослые их только калечат, разными глупостями голову забивают. Ведь они нам в назидание даны, чтобы мы не забывали, что когда-то были славными и добрыми. А то люди перебили бы давно друг друга.

Он наклонился ко мне поближе.

— Пришлось мне тут как-то лечиться, заездили меня вконец киношные дела, ну, пошел я к этому, к психоаналитику. Слава богу, толковый попался. Ведь среди них шарлатанов хоть лопатой греби. И вот что я понял: каким я был, таким и останусь, и не исправить мне тяжелый характер, не вытравить тягу к работе, не изжить страх и ненависть. Всю жизнь я себя ломаю, хочу стать как все, а толку чуть, никакой психоанализ не помогает. И я хочу рассказать всем, старому и малому, к чему я пришел: главное — найти себя, не зажиматься, не прятаться по углам, поджимая хвост, не скрывать свои чувства и настро-

[1] *Перри Мейсон — герой серии детективных романов Эрла Гарднера. — Примеч. ред.*

[1] *Джон Гарфилд, Спенсер Трейси — крупнейшие американские киноактеры. Джон Гарфилд стал одной из жертв маккартизма, был отстранен от работы по подозрению в «политической неблагонадежности»: отказался дать в «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» показания против своих друзей. Умер от разрыва сердца. Спенсер Трейси играл в ярких, публицистических фильмах. Советские зрители знают его по прекрасным работам в фильмах «Нюрнбергский процесс» и «Этот безумный, безумный, безумный мир». — Примеч. ред.*

ения, а смело выйти вперед и заявить о себе в полный голос.

Я сидел в маленькой комнате и печатал, стараясь не разбудить сынишку. Ему тогда было восемь лет. На полу валялись рукописи, никому не нужные, всеми отвергнутые: пять романов и горы рассказов. За десять лет не напечатано ни строчки. В моем доме поселилось отчаяние. Тогда я был молод, полон сил, мог работать ночи напролет, и все-таки приходилось глотать таблетки-стимуляторы, чтобы не упасть от усталости, чтобы работать и работать, чтобы не заглох росточек писательского таланта, я чувствовал его в себе. Был во мне талант, но что-то в жизни пошло наперекос, и росточек этот всходов не давал. Я прямо места себе не находил. Думал, совсем свихнусь.

В ту ночь мне было особенно худо Я еще раз оглядел кучу всей этой макулатуры. Я понимал, что писал и пишу плохо, но почему? Многие издатели интересовались моей работой. Но вся беда моя в том, что им нужны подлинные алмазы, а я — большая красивая подделка.

И когда в моей отупевшей от таблеток голове созрела эта мысль, я вдруг понял, в чем корень зла.

Всю жизнь я стыдился, что вырос в семье мелкого фермера-арендатора. Я стыдился, что вырос среди болот, где полно комаров и где живут неудачники. Порой я думал: может, это и не жизнь, а какой-то дурной сон? И во всех моих произведениях жил страх: как бы не выдать себя, чтобы никто не понял, кто я и откуда родом. чтобы никто не понял, что я БЕСПОРОДНЫЙ. Отсюда и фальшь. Когда я все разложил по полочкам, мне стало легко и спокойно. Потому что я понял, что меня не переделать, и нет у меня ни будущего, ни настоящего, если нет прошлого. И болота, и комары, и увечные, и бедность — все это часть меня самого, и никакой я не алмаз, а кремень, но зато подлинный, без обмана. Как только понял, что новую жизнь без старого фундамента не построишь, так сразу обрел душевное равновесие. Начал я постигать, что такое самоуважение.

В очередном перерыве между съемками я спросил, удается ли ему когда-нибудь отдохнуть. Я просто так задал этот вопрос, как и многие другие. Мне хотелось подольше побыть с этим человеком, я уже всерьез верил, будто знаю его с детства.

— Прошлым летом я сел в машину, никого из семьи не взял и укатил на полтора месяца куда глаза глядят. Больше, правда, вырваться так и не удавалось. Сидишь целыми днями по горло в этом, ковыряешься в сценариях, думаешь что-нибудь путное найти — куда там, ни одного живого персонажа. И такая порой ненависть ко всему этому делу просыпается! Знали б вы, как мне все осточертело!

Раньше я все надеялся, что найду толкового режиссера и работа пойдет. Нашел же Брандо Элиа Казана, Богарт — Хастона. И они сделали прекрасные фильмы. А с интересной работой да хорошей семьей я бы припеваючи зажил. Только выбросил я из головы эту чушь собачью. Своими руками всего нужно добиваться.

— И что, получается?

— Как бы не так! Я вам тут о решении толковал. А по правде говоря, сам так ничего и не решил. Застрял я, и причин много, и не причины все это, чувствую, что тону, хоть кричи. Только вот вам слово — выберусь я. Сам выберусь.

У Блейка красивая жена, Сондра, я с ней позже познакомился. Изящная, стройная, она раньше танцевала, потом бросила, а сейчас снова взялась за работу. Почему все так нескладно получилось?

— Когда у нас один за другим пошли дети, мы решили (точнее, решил я, а Сондру потом удалось уговорить), что им нужна семья, чтобы свою мать они знали не по афишам, как большинство ребятишек в Голливуде, где им ласку-то взять, вот и ударяются в наркотики, никакие няни да гувернантки не заменят мать. Так вот, она бросила работу, а я старался на длительные съемки не уезжать, и все шло нормально. Сейчас ребятишки уже большие, поэтому Сондра и решила к танцам вернуться. И неплохо получается. Ее подружки по ранним выступлениям уже давно сошли, сгорели. Телевидение сжигает дотла, а потом — раз, и на свалку. Скажем, повезет какой-нибудь девчонке, снимется пару раз в главной роли — уже звезда, а через год о ней никто и не вспомнит, ведь боссам начхать. Заработали на чьих-то красивых ножках и слава богу. А потом и руки не подадут, трубки телефонной не снимут.

Ребенку без родителей никак нельзя. Я уверен, что моим детям меня заменить никто не сможет. И они помогают мне крепче на ногах стоять. Учат справедливости. Когда я начинал сниматься, мне ох как не хватало мудрого отеческого слова, да разве от режиссера его дождешься?! И я стал ненавидеть людей, старался убедить себя, что весь мир — клоака, а люди — черви. Потом только понял, что нельзя требовать от жизни, от людей того, что они дать не могут. Уж так по-дурацки все заведено. Мне нужен был мудрый, добрый, ласковый наставник, а таким может быть только отец. А в людях наших нету доброты, и винить их не за что, потому что загнанные все...

Мне часто, почти каждую неделю, снится один и тот же сон. — Он словно сам с собой разговаривал. — Как будто я голый. Хожу, разговариваю, то в аэропорту, то в школьном коридоре, хочу убежать и не могу — двери не пускают, пытаюсь в шкаф залезть — не удается. А кругом-то все одеты, целые толпы людей. И я бегу, бегу по какому-то парку, тороплюсь туда, где наконец можно будет одеться.

Этот сон как раз о том, о чем мы говорили. Где бы вы ни были — вы чужак. Все уже освоились, а вы нет, все одеты в броню, а вы голый. И им все видно. ОТ ИХ ГЛАЗ НЕ СКРЫТЬСЯ.

Я встаю, вытягиваю руку:

— Господи, господи, боже мой! Видите — у меня даже гусиная кожа на руке... — Я обнимаю его. — Клянусь своими глазами, и мне снится такой же сон. Очень часто... тот же самый сон...

— Я так и думал, — говорит он и дружески так хлопает меня по спине.

У меня вот спрашивают, что я с Блейком связался, актер вроде бы не из видных. Только я вам вот что скажу.

Весь день, пока я был с ним, происходили поразительные и невероятно дорогие моему сердцу чудеса. Стоило ему заговорить, меня сразу охватывало ощущение, что все это когда-то говорил я сам. Очень странное чувство. Был у нас с ним в этой суете момент истины, что ли, и не оправдания, мы друг перед другом искали, и находили его. Это как увидеть в зеркале отражение, которое правдивее оригинала. И тут ненужных людей не бывает. А каждый настоящий фильм, и каждая настоящая книга — это отражение, которое правдивее оригинала.

Перевел с английского
И. БАГРОВ

▼ Со стр. 13

«полка обороны Ольстера» Джеймсу Макдоуэллу, оптику по специальности. Осторожная негласная проверка показала, что в течение двух недель после нападения на «Майами шоубэнд» тот не выходил на работу «из-за простуды». К врачу Макдоуэлл не обращался. Зато на ноге у него оказался свежий шрам — не от осколка ли? «Пустяк, упал с велосипеда», — уперся Макдоуэлл.

Решающая улика

Конечно, улики носили косвенный характер. Однако Митчел распорядился арестовать Джеймса Макдоуэлла. Очутившись за решеткой, тот избрал простую, но надежную тактику, которая не раз помогала протестантским террористам ускользать от суда: полное отрицание своей причастности к преступлению.

Не исключено, что такая тактика помогла бы Макдоуэллу отвертеться если не на следствии, то на суде, но он допустил роковую ошибку: попытался переслать из тюрьмы записку одному из руководителей «Волонтеров», в которой сетовал, что операция с ансамблем была организована не лучшим образом. «На ошибках нужно учиться», — философствовал террорист, а в конце успокаивал своих сообщников тем, что у полиции практически нет никаких улик, кроме злополучных очков. Увы, Макдоуэлл не учел, что это послание попадет в руки инспектора и станет неопровержимым доказательством его причастности к террористической операции.

Итак, личности нескольких террористов были установлены: погибшие от взрыва собственной бомбы Бойл и Сомервиль и находящиеся под арестом Макдоуэлл и Кроэьер. Находившийся на свободе Сэмми Нейл на восьмой день после ареста Макдоуэлла был убит неизвестными пятью выстрелами в упор — очевидно, его заподозрили в предательстве и отомстили. У инспектора Митчела появилась реальная возможность выявить и остальных участников и организаторов «бэнбриджской бойни». Но тут-то и вышло распоряжение из главного полицейского управления в Белфасте: следствие считать законченным, а дела двух арестованных передать в суд.

Макдоуэлл и Крозьер в октябре 1976 года были приговорены к пожизненному заключению. Представитель ольстерской полиции с гордостью заявил на пресс-конференции, что теперь никто не может обвинить ее в симпатизировании протестантским ультра. Газеты, правда, намекали, что следствие по «бэнбриджскому делу» было прекращено по прямому указанию назначенного Лондоном министра по делам Северной Ирландии, ибо грозило вскрыть связи террористов из «Сил волонтеров Ольстера» не только со вспомогательным «полком обороны Ольстера», но и с САС — специальными частями британской армии, оккупирующими Ольстер. Как и следовало ожидать, официальных комментариев на сей счет не последовало.

Что делают три оставшихся в живых артиста «Майами шоубэнд»? К ним — саксофонисту Десу Макэйли, ударнику Рею Миллеру и гитаристу Стивену Трейверзу — присоединились три новых товарища: Норман Клиффорд, Ноэль Райан и Дес Флейгерти. Однако пережитое потрясение оказалось не по силам Стивену Трейверзу, и прошлой осенью он ушел из ансамбля. «Фрэн стал 1272-м убитым в необъявленной ольстерской войне, начиная с 1969 года, Тони Герати — 1273-м, Бриан Маккой — 1274-м. Сегодня счет приближается к двум тысячам, и я не хочу попасть в третью...» — говорит он.

ИСКУССТВО ВСТАЕТ СТЕНОЙ

Португалете — бедный рабочий квартал на окраине Мадрида. Уж давно городские власти подумывали снести одноэтажные домишки, а на их месте выстроить новый жилой район. Дело, однако, стояло на месте, пока за него не взялись богатые спекулянты землей и крупные строительные фирмы. Город разросся и вплотную подошел к Португалете — теперь за квартиры здесь можно драть втридорога. И все же сделка сорвалась: проснувшись однажды утром, отцы города увидели, что Португалете превратился в музей под открытым небом. Стены домов разрисовали не дворовые мальчишки, а ведущие прогрессивные художники Испании, и сделали они это по просьбе обитателей района. Не то чтобы обитателям было жаль расставаться с ветхими жилищами, да новые квартиры им не по карману — 4 миллиона песет (примерно 70 тысяч рублей) — согласитесь, неплохая стоимость даже хорошей квартиры! Молодые и талантливые художники пошли навстречу беднякам из Португалете и за ночь преобразили квартал. Теперь городские власти не решаются его снести. Нет, не из любви к искусству — просто авторы пригрозили подать в суд иск о возмещении убытков за порчу художественных произведений, а тогда уж о прибыли и думать нечего. Так барышники убедились в старой истине — искусство требует жертв.

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ. В 1976 году группа итальянских антропологов выехала в... Рим, Геную, Кальяри, Турин и окрестности, чтобы после тщательных замеров составить портрет среднего молодого итальянца. Было обследовано более 20 тысяч молодых людей от 5 до 19 лет.

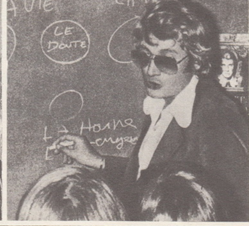
Первый анализ данных принес такие результаты: по сравнению с началом века средний рост взрослого (18 лет) итальянца увеличился: составляет для ребят 1,67 метра, для девушек — 1,6 метра. До тринадцати лет выше девушки, потом парни, взявшись за дело всерьез, обгоняют их. Подмечены и такие факты: на промышленно развитом Севере средний рост превышает норму, в южных, слаборазвитых районах он значительно отстает. Заметна и разница в росте в зависимости от социального происхождения. Объяснение тут несложно: в какой-то степени рост определяется уровнем жизни, питанием, родом занятий.

ВТОРЫЕ ПРИЗВАНИЯ

Учиться трудно, справедливо заключил в свое время Джонни Холлидей, досрочно расставаясь со школой. Этой весной у знаменитого певца появился случай проверить на деле другое расхожее утверждение: учить, дескать, легче. Дирекция лицея в городе Туре временно (на один урок) присвоила ему звание «помощника лектора», с тем чтобы он прочел лекцию о Гамлете. Дело в том, что Джонни недавно попалась на глаза эта книжка. Хорошая история, оценил Холлидей и записал двойной альбом рок-версии «Гамлета». Во время показательного урока Холлидей объяснил, что он вложил в такие хиты, как «Ловушка», «Офелия», «Бедный Йорик» и др. На сакраментальный вопрос: бит или не бит, Холлидей дает однозначный ответ: «Живи Шекспир сегодня, он писал бы рок-оперы». Джонни также заметил, что, возможно, упустил свое истинное призвание — педагогику...

Плоды своего второго призвания вынес на суд зрителей и актер Жан Марэ. В Париже открылась выставка его скульптур и картин. «Меня дарили своей дружбой Пикассо и Брак, — сказал артист. — Я не имею права называть себя художником рядом с этими великими именами. Я только подмастерье».

ИЗОБРЕТЕНИЯ. Контролер компании «Филадельфия электрик» Джон Кин, снимающий показания электрических счетчиков у клиентов в сельской местности, получил при выполнении служебных обязанностей бесчисленное множество собачьих укусов. Чтобы облегчить участь Кина и 250 его коллег, сообщило агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл, руководство компании снабдило их электронными «собакоотпугивателями» — приборами, издающими колебания ультразвуковой частоты, которые не воспринимаются человеческим ухом, но воздействуют на слуховые органы собак, повергая их в состояние страха. Через некоторое время, когда путь Кина преградил свирепый пес, контролер смело приблизился к нему и нажал на кнопку прибора. Однако техника не оказала на собаку никакого воздействия, и Кину пришлось спасаться бегством. Так старый и глухой пес посрамил передовую технику.

МОДА НА ФАНТАЗИЮ

На фотографии Мэри Квант, знаменитая англичанка, которая изобрела в 1962 году мини-юбки. Итальянский журнал «Эуропео» в своем интервью попытался выяснить мнение Мэри Квант на современную моду и те направления в стиле одежды, которые предлагают ведущие дома моделей Западной Европы.

— Каково, на ваш взгляд, соотношение между тем, «что носят», и тем, что предлагают ведущие модельеры?

— Никакого. Или, лучше сказать, вторая мода существует лишь в голове тех, кто ее предлагает. Вообще мода в прежнем понимании больше не существует. Джинсы ведь никто не предлагал и не выдумывал... Но и их время проходит, поскольку многие женщины устали от одинаковости. Заметьте, однако, что время диктата моды прошло (помните, раньше говорили: «этой весной будут носить...», «этой осенью будут модны...»), как прошло и время одежды на один определенный случай. Сейчас если что и диктует свои законы, так это фантазия, игра воображения и вкуса. Не потому ли так в ходу теперь народный стиль — «фолк»...

УВОЛЬНЕНИЯ. Жослин Бодер, преподавательница английского языка с большим стажем и мать семейства, с некоторых пор стала быстро худеть. Худела она от волнения: «Лес рубят, щепки летят», — говорила она коллегам, имея в виду тот факт, что, когда правительство резко урезает субсидии на образование, с преподавателями не церемонятся. Да, да, кивали головой коллеги, сейчас кругом увольняют, но ты работаешь безупречно, и у них нет ни малейшего повода... Ошибались! Волнуясь и худея, мадам Бодер, сама того не подозревая, давала администрации весьма внушительный повод. В приказе ректора написано черным по белому: уволена за... худобу. Чудовищно! — возмутилась общественность и потребовала созыва медицинского консилиума, каковой в составе семи человек, включая психиатра, признал, что Бодер совершенно здорова. Однако местное отделение французского министерства просвещения не сочло возможным отменить этот приказ. Что делать, выходит, мадам Бодер придется поправляться, что на пособие сделать нелегко. А вот г-же Мюллер, медсестре по профессии, необходимо срочно похудеть на 10 килограммов. Директор мюнхенской больницы Альфонс Краус уволил ее за то, что она нарушила изданную им инструкцию, по которой вес сотрудниц должен точно соответствовать их росту.

Отбиваясь от наседавших на него журналистов, герр Краус с завидной логикой заметил: «Вы сами пишете в газетах, что полнота способствует болезням».

НЕ ТЕ ФИЛЬМЫ ДЛЯ ТОЙ ПУБЛИКИ, ТЕ ФИЛЬМЫ ДЛЯ НЕ ТОЙ ПУБЛИКИ

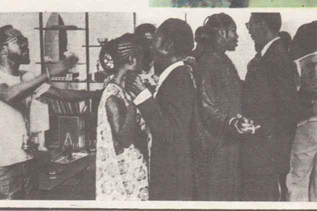

В Гонконге на территории в 18 квадратных километров раскинулись студии кинофирмы братьев Шоу — Ран Ран Шоу, Ранде и Ранме Шоу. Две тысячи служащих, шесть тысяч техников, триста актеров, тридцать режиссеров и столько же сценаристов (все на мизерной ставке, все на полурабских условиях) «выпекают» в год до 50 фильмов. Братья владеют и империей проката, контролирующей большинство стран Юго-Восточной Азии.

Фильмы Шоу носят общее название «кун-фу». Кун-фу — это, собственно, старинный свод из 18 упражнений для ума и тела, изобретенный в Древнем Китае. Не тратя времени на исторические экскурсы, братья Шоу обратили кун-фу в способ убивать ближних с помощью рук и ног, что и составляет содержание их многочисленных фильмов. Года два назад поговаривали о закате «кун-фу», и, возможно, так бы оно и случилось, не приди на помощь любителям крови из Гонконга денежный Голливуд — тому показалось, что на приключениях супергероев из Азии можно делать хорошие деньги в Европе, Америке, Африке.

Голливуд не прогадал: в Америке эти фильмы «зарабатывают» по четыре с половиной миллиона долларов; не позволили делу пропасть и в Африке — кун-фу с помощью американских, английских и французских фирм проката заполонили большинство экранов континента.

Куда труднее пробиться на африканский экран картинам более сложным, более умным и более полезным для самой Африки. Тем, что обсуждают ее проблемы; тем, что делаются самими африканцами. Такими, как сенегальский писатель Сембен Усман. Его недавний фильм «Ксала», саркастически высмеивающий нравы современных нуворишей-буржуа, наживающихся на спекуляциях и обмане народа, едва пробился на экраны страны. «Этим уважаемым джентльменам не нравятся такие фильмы. Они их просто ненавидят», — говорит Усман.

КАК ЦЕНЗУРА УЛУЧШИЛА ФИЛЬМ

«Шериф», новый фильм известного французского кинорежиссера Ива Буассе, был уже снят, когда к автору подступила, так сказать, с ножницами к горлу цензура: от Буассе потребовали убрать из этого напряженного политического детектива все упоминания о «SAC» — так называемой «службе гражданского действия». (Эта организация, которую французы считают «параллельной полицией», нередко прибегает к грубым провокациям против левых сил.) Буассе «простодушно» предложил заменить везде «SAC» (звучит «сак») на звуковые сигналы типа «занято» в телефоне. Цензоры клюнули... «Би-би-би!» — то и дело раздается с экрана. «Сак-сак-сак!» — хором вторят зрители в зале. По общему мнению, это первый случай в истории кинематографии, когда вмешательство цензуры украсило картину.

ЧАРОДЕИ ЗА РАБОТОЙ

Страшно, аж жуть... Ведьмы, упыри, филины, черти и прочая нечисть мечутся по улицам, бьют в бубны, прыгают через костры. Что за шабаш? Да ничего страшного. Это просто ряженые. Так по старинному народному обычаю в Шварцвальде и альпийских местностях ФРГ провожают зиму и встречают весну. И вот оказия: ведьмами охотно наряжаются не 40—50-летние женщины, а молодые модницы. Причем желающих столько, что дай им волю, и на улицах на масленицу тесно было б от колдуний. Но на то есть в каждом городе и городке своя «шутовская гильдия», чтобы следить за порядком и регулировать «демографический взрыв» сатанинского племени. Чтобы участвовать в карнавале, надо и разрешение у «гильдии» получить, и маску у нее купить, и пошлину уплатить. Но шутки шутками, а в Федеративной Республике немалое число предприимчивых людей всерьез промышляют «чародейскими» профессиями. По данным того же журнала «Штерн», из которого взята публикуемая фотография, 17 миллионов западных немцев из недели в неделю читают гороскопы. Две еженедельные газеты, специализирующиеся на связях «с потусторонними» силами, расходятся общим тиражом в 320 тысяч экземпляров, а ежегодный оборот «индустрии черной магии» составляет около 50 миллионов марок.

О, КАБАРЕ!

Анатолий СИЛИН

Кабаре (франц. cabaret букв. — кабачок) — первоначально импровизированное представление, которое устраивали в литературно-художественных кафе поэты, музыканты, актеры... Поэты читали стихи, актеры распевали злободневные песенки, разыгрывали сатирические сценки. Программу вел конферансье, шутивший со зрителями и поддерживавший атмосферу непосредственности и веселья...

(Театральная энциклопедия)

Несколько лет тому назад на Западе большим успехом среди молодежи пользовался американский кинофильм «Кабаре». Картина была стилизована под представление, типичное для кабаре, а к началу 70-х годов неожиданно для многих молодые чрезвычайно увлеклись этим, казалось бы, забытым жанром.

Когда-то он был популярен и в России; в начале нашего века политические кабаре в многочисленных кафе и подвальчиках со странными названиями «Летучая мышь», «Бродячая собака» возникали словно по мановению волшебной палочки. Сплошь и рядом на этих представлениях звучала весьма неприкрытая критика по адресу власть имущих и раздавались откровенные призывы к бунту. Если в одном кабаре сам Станиславский выступал в образе директора провинциального цирка, сам Шаляпин изображал балаганного борца «черная маска» и сам Рахманинов играл тапера в пародийном номере «Танец апашей», то в соседнем молодой Маяковский декламировал «футуристические стихи» «Вам!» и «Нате!», а молодой Каменский прибивал к потолку старые штаны и исписывал стены призывами «славить солнце-Стеньку» и брать в руки кистень.

Злободневные песенки и куплеты, которые исполнялись в кабаре, немедленно становились достоянием масс. Во Франции, как известно, в кабаре родилась и новая поэтическая школа шансонье, сочинявших политические, революционные песни. Надежда Константиновна Крупская вспоминает, с каким удовольствием Владимир Ильич посещал маленькие кабаре на окраине Парижа, где слушал популярных шансонье и наблюдал за живой реакцией рабочей аудитории на нехитрые театральные представления.

В последние десятилетия жанр кабаре, в котором особенно ценятся пародия, буффонада, гротеск, фарс, пережил второе рождение во многих странах, и прежде всего в Англии. В качестве примера можно рассказать об английском театре «Арт колледж тиэтр», который создали студенты Брэдфордского художественного колледжа. Организовал и в течение ряда лет возглавлял этот коллектив известный режиссер и теоретик театра Альберт Хант. В свое время он работал с Питером Бруком над постановкой его знаменитых политических спектаклей о войне в Алжире и во Вьетнаме («US»), и влияние большого мастера явно ощущается в творческой манере Ханта. Во всяком случае, спектакли в Брэдфорде он ставил в жанре политического кабаре. Я видел одну из постановок Ханта, которую «Арт колледж тиэтр» показал на Международном фестивале молодежных любительских театров (МЛТ) во Вроцлаве.

Спектакль назывался «Оглянись на 42-й год». Действие происходило в двух временных и пространственных плоскостях: в годы минувшей войны среди тех, кто развязал или допустил ее, и в наши дни на собрании некой религиозной секты в Брэдфорде. Этакое сатирическое богослужение, где политические преступники замаливают свои грехи, а святоши покровительствуют убийцам. Последняя сцена этого «соборного действа» — молитва ослепшей девушки, которая ищет среди руин Ковентри обломки дома...

Объясняя жанр и творческие приемы, взятые на вооружение театром, Альберт Хант писал:

«Мы берем известные из истории фигуры и смотрим на них по-новому. Так, популярный «герой войны» Уинстон Черчилль оказывается пустым фанфароном, вся сила которого заключается лишь в том, что другие считают его героем. А страшное чудовище Адольф Эйхман «всего лишь» маленький обыватель, который и в СС вступил, чтобы хоть к чему-то примкнуть, хотя бы и к организации убийц. Мы показываем людей, которые полностью подчиняют себя другим, так как это избавляет их от ответственности. Они начинают с радостных песен и танцев, а кончают заупокойной молитвой и преступлениями».

На последнем вроцлавском фестивале МЛТ многих стран тоже показали яркие программы. В студенческих кафе и на площадях города выступала со своим цирковым представлением английская труппа «Френдз роудшоу» («Бродячий театр друзей»); в рабочих общежитиях и прямо в цехах заводов показывал свое политическое кабаре "Черно-белое шахтерское шоу» «Йорк шустринг тиэтр»; в школах и в фестивальном интерклубе «Палацик» играли клоунские антре актеры португальского театра «Коммуна». Чтобы читатели могли представить себе реакцию зрителя на эти представления, расскажу об одном импровизированном спектакле, состоявшемся во время фестиваля.

На Вроцлавском вокзале есть огромный туннель, по которому пассажиры проходят к поездам. Это целый подземный город с кассами, буфетами, киосками, ларьками и лотками, вечно заполненный спешащими людьми. И вот однажды днем среди этой суеты, гомона и толчеи раздалась резкая барабанная дробь. Толпа расступилась, и в образовавшийся коридор вошли два клоуна из театра «Коммуна». Один (назовем его условно «Хороший») — с круглым красным носом и в едва держащихся на помочах штанах, другой («Плохой») — с длинным синим носом и в огромном пиджаке. Они расставили складную темную ширму и на ее фоне начали разыгрывать древнюю как мир историю о борьбе добра со злом, сил созидания с силами разрушения. Первый клоун расставляет перед ширмой пустые цветочные горшочки, второй их с хрустом давит. Первый поливает из маленькой лейки воображаемые цветы и даже разводит на асфальте небольшой костерчик, чтобы им было тепло, а второй из этой же лейки заливает огонь и льет воду первому на голову. Первый клоун пла-

чет, но продолжает строить, второй хохочет и ломает. Все быстрее и быстрее развивается действие, все энергичнее и изобретательнее работает первый, все злее и отчаяннее уничтожает все вокруг второй. Но жажду жизни, творчество, труд, пламя души человека убить невозможно! И вот добрый клоун побеждает злого, и звучит веселая песенка...

Как просто, не правда ли? Но сотни людей, позабыв про дела и отходящие поезда, столпились вокруг двух клоунов и затаив дыхание следили за их борьбой. Они сидели на крышах ларьков и на козырьках киосков, стояли на стойках буфетов и на подоконниках касс, даже висели на стенах, зацепившись за огромные бра. Наутро ежедневный бюллетень фестиваля «Курьер» писал: «Этот «детский» спектакль еще раз напомнил взрослым, что маска клоуна, — всего лишь искаженное гримасой лицо обычного человека, за смешными ужимками которого скрываются лиризм и отчаяние...»

Наиболее важным в жанре кабаре считают мастерство постоянного и непосредственного контакта с аудиторией. Ни о какой «четвертой стене» здесь не может быть и речи. Спектакль более всего похож на дружескую вечеринку, где зрители пришли к актерам в гости. Как пишет в книге «Самоотдача» драматург и один из основателей студенческого эстрадного театра МГУ Марк Розовский, «мнимая легкость игры (актеров кабаре) требует высочайшего мастерства, предполагает в актере интересную личность — собеседника и друга, выступающего в нашей компании, а как бы вовсе не со сцены... и ему, актеру, мы, зрители, нравимся не меньше, чем он нам...».

Такими актерами и были, на мой взгляд, три молодых паренька, составлявшие труппу Загребского театра «ИТД» (что, как и у нас, расшифровывается «и так далее»). На фестивале во Вроцлаве молодые югославы показали маленькую пьесу «Приветствия», которая в написанном виде занимает три страницы, а в пересказе семнадцать строк.

Встречаются три человека, каждый вежливо спрашивает другого: «Как вы поживаете?» — «Ничего, — говорит один. — А вы?» — «Сносно, — отвечает второй. — А вы?» — «Прилично, — говорит третий. — А вы?» и так далее. «Отлично, превосходно, прекрасно, плохо, ужасно, страшно, никак...» Наконец общепринятых слов для ответа на этот служебный вопрос им не хватает, и они начинают отвечать подряд всеми словами из словаря, начиная с А: «Аборигенно, австралийски, агрономически, адски, анонимно, аперитивно, архимедски, астронавтски...», потом на Б, на В и т. д., не забывая каждый раз вежливо спросить у партнера: «А вы?»

Вот и все, что написано в пьеске. Ее смысл в бессмыслице стереотипных вопросов и ответов, в ненужности пустых слов, в никчемности никчемного времяпрепровождения...

И вот три студента третьего курса Загребской академии театра и кино берут эти три страницы вроде бы бессмысленного текста и играют его три часа. Играли бы, может, и дольше, но зрители уже буквально изнемогают от смеха и только всхлипывают, а актеров уже давно пора развешивать на просушку и отпаивать молоком за вредность. Дело в том, что каждое слово пьесы (а точнее — словаря) стало названием этюда, который актеры разыгрывают на сцене.

«Как вы поживаете?» — «Гениально!»

Этюд на эту фразу играется десять-пятнадцать минут с бездной фантазии, выдумки, юмора, всевозможных трюков, гэгов (как в немом кино), пластических, пантомимических, вокальных, танцевальных, гимнастических, акробатических и т. п. номеров. Вначале все трое вылетают на сцену кувырком, бьют в барабан, кричат «Ап!», делают кульбиты и фляки, крутят колесо и сальто и по ходу этой легкой разминки мило представляются зрителям на нескольких десятках (!) языков, спрашивают у них: как здоровье? как дети? не забыли ли они поужинать перед спектаклем? а электроприборы выключили? а какая погода на улице? как понравился вчерашний футбол? и т. д. и т. п. Все трое в полуспортивной форме: в кедах, в джинсах и майках, с эмблемой на груди — два пальца, растопыренные буквой V — «Виктория» («Победа»). Один — Желько Вукмирица — огромный, мощный брюнет, по цирковой терминологии «нижний», то есть тот, который держит на себе пирамиду. Объявляя характер, тип, маску, которую ему предстоит создать на сцене, он говорит: «Я — Ганнибал, Александр, Цезарь, Наполеон. Гитлер!..» Второй — Младен Васари — язвительный, ехидный, насмешливый, эксцентричный шатен. Он шут, солдат, дирижер, бунтарь, экстремист. И третий — Дарко Срича — лиричный, нежный, обаятельный блондин. Его роли — скрипач и влюбленный Пьеро. Несмотря на сразу же заявленную разницу амплуа, все трое пляшут и поют, играют на гитарах и банджо, жонглируют и кувыркаются, ходят на руках и на ходулях, играют комедию, трагедию, драму, фарс, буффонаду, клоунаду, органично, правдиво и искренне общаются друг с другом и со зрителями, доказывая, что и психологический театр им тоже по плечу... Эти ребята из Загреба воистину могли все! Кажется, крикни режиссер из зала: «А теперь полетели!» — и они, взмахнув руками, полетят над зрителями. И лишь неясно вначале, а зачем?.. Но вот последний этюд — дети поймали муху, долго измывались над ней, оторвали ей крылья, лапки, потом убили ее, а потом дети выросли, стали взрослыми и начали убивать друг друга, а потом вообще всех людей, а потом... А потом потные, мокрые, грязные, изможденные артисты вдруг спускаются в зал и, впервые наполнив смыслом эту набившую оскомину фразу, очень тепло и просто спрашивают у зрителей: «А вы как поживаете?» — и идут по проходу, заглядывая людям в глаза: «А вы?» — и, стараясь не упустить никого, кричат на балкон: «А вы?» — и, ликуя от счастья человеческого общения, от того, что их поняли, во всю силу легких, хором: «А вы???»

Режиссер и хореограф спектакля Ивица Бобан, кстати сказать, три года назад стажировавшаяся у нас в Москве, в училище Большого театра, пишет: «Многие из тех, кто считает, что они делают сегодняшний театр, на самом деле давно покинули его, а вместе с ним и жизнь и борьбу, так как они решили не поднимать на сцене сложных проблем (объективных и субъективных), которые существуют в жизни и в работе. Театр больше не является для них смыслом существования, а стал всего лишь названием их профессии, в то время как театр в самом лучшем и благородном смысле этого слова означает любовь, великодушие, жертвенность, сумасшествие и энтузиазм в работе...»

...Зрители не желают отпускать полюбившихся им парней, и после многократных криков «бис» актеры снова выходят на сцену. В руках у них «Штандар млодых», «Жиче литерацки» и «Слово польско». Они разворачивают газеты и спокойно, задумчиво, с некоторой даже грустью начинают читать... завтрашние рецензии на свой сегодняшний спектакль.

«В спектакле есть неплохие отдельные места, но в целом...» — читает один.

«Спектакль очень неплох в целом, но отдельные места...» — прерывая его, тем же тоном читает в своей газете другой.

«Все решительно никуда не годится!» — спокойно завершает «критический обзор» третий.

И все трое вопросительно смотрят в зал — кому же верить, граждане, и что же такое мы на самом деле показываем?.. А зрители, узнавшие «типичный стиль» известных театральных критиков, уже просто плачут и корчатся от смеха.

Естественно, что в настоящих рецензиях, появившихся назавтра во всех польских газетах, критики более всего боялись впасть в автопародию. Тадеуш Буский в «Газете работничей» писал, в частности, так: «Спектакль «Приветствия» стал подлинным сюрпризом. Играют его три великолепных артиста, обладающих физической техникой цирка, вокальной — кабаре, внутренней — драматического театра и вдобавок умеющих легко и просто устанавливать контакт с любой аудиторией, даже с той, которая не знает языка. От сотен трюков зал хохотал до упаду, но это был не пустой гогот. Мы все вместе высмеивали стереотипы, избитые формулировки, схематические ответы, которые зачастую употребляем в жизни не задумываясь, как подпорки, как костыли».

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление М. М. Ракитнина.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18/IV 1977 г. Подп. к печ. 23/V 1977 г. А06444. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 689.

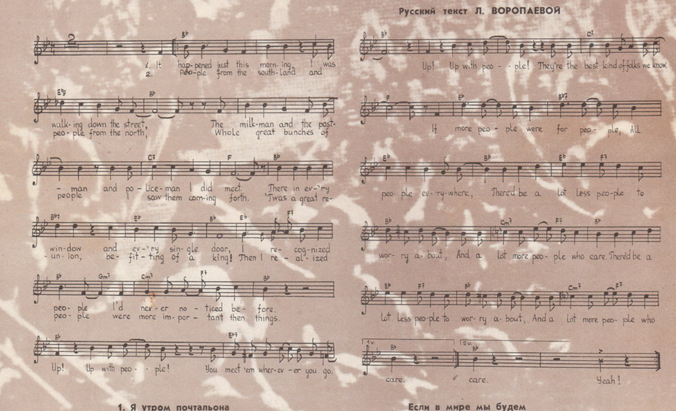
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Как перевести слова «Up with people»! Это и «Да здравствуют люди», и «Будем с людьми», и, наверное, самое точное — «Друзья людей». Так называется международная молодежная группа. Международная потому, что в нее входят представители Франции, ФРГ, Бельгии, Великобритании, а штаб-квартира ее в городе Тусоне, США. Молодежная не только потому, что по условиям в «Up with people» может быть принят лишь тот, кому не больше 25 лет: тема всех песен группы — солидарность людей в борьбе за мир. А это ли не молодежная тема!

В «Up with people» 300 участников. Да, да, триста. Три хора, три оркестра. Разбившись на три команды, «Друзья людей» путешествуют по разным странам, дают концерты в разных аудиториях — от парижского театра «Олимпия» до африканских селений (снимок, на фоне которого мы даем песню, сделан в Варшавском Дворце конгрессов). И всюду «Up with people» встречают друзей, которые с удовольствием подхватывают припев их главной песни. Эту простую песню написали участники ансамбля американцы Ральф и Пол Колвеллы. Слова ее могут показаться наивными, но это искренние слова. В них призыв к единению всех трудовых людей планеты.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЛЮДИ!

Русский текст Л. ВОРОПАЕВОЙ

1. Я утром почтальона
На пороге повстречал,
Молочника, шофера —
Я раньше их не знал.

Я шел, и в окнах дома,
И у чужих дверей
Я видел незнакомых,
Но близких мне людей.

Припев:

Да здравствуют люди!
Как много вокруг нас людей!
Да здравствуют люди!
Только вместе мы станем сильней.

Если в мире мы будем
И в согласии жить,
Сколько радости людям
Сможем мы подарить!

2. Я видел, как на смену
Прошагал по мостовой
В большой семье священной
Народ мой трудовой.

И понял я навеки:
Короли нам не нужны —
В обычном человеке
Судьба любой страны.

Припев.

Индекс 70781
Цена 25 коп.